

О ДЕВСТВЕ

Рассуждение о девстве принадлежит к ранним произведениям св. Иоанна Златоуста, но достоверно неизвестно, тогда ли оно написано, когда он был диаконом или пресвитером антиохийской церкви (380-398 г. по Р. Х.), или, когда еще подвизался в пустыне (374-380). Несомненно, только то, что это произведение сделалось известным прежде Бесед его на 1-е послание ап. Павла к Коринфянам, сказанных в Антиохии, так как в конце 19-й Беседы на это послание сам святитель ссылается на свою книгу о девстве, в которой тщательно изъясняется христианское учение о девстве и его отношение к учению о законном браке, вопреки унижавшим брак еретикам, против которых в начале рассуждения святитель и направляет свою вдохновенную речь.

Краткое содержание

У еретиков нет истинных девственниц, потому что их девы нецеломудренны и принимают девство из отвращения к браку, как к преступлению. - Они не могут рассчитывать на мзду, одинаковую с православными девственницами. - Апостол, советуя воздержание, не делает из него правила, а еретики, удаляющиеся от его учения, ставят своих учеников в положение хуже язычников. - Наконец, девство еретиков оскорбительно для Бога, потому что их девственницы, отрекшись от веры, не имеют чистого сердца. - Кроме того, состояние девства, чтобы иметь значение заслуги, требует полной свободы в деле вступления в брак - чего не бывает у еретиков, поносящих брак. - Церковь, напротив, одобряет брак и считает его средством укрощения страстей для тех, кто разумно пользуется им. - Лицам, не имеющим надобности в таком средстве, церковь советует не вступать в брак, хотя и не запрещает его. - Она осуждает и изгоняет из своих недр только тех, которые оскверняют святость брака. - Ибо брак доброе дело, но девство лучше, и оно настолько же выше брака, насколько ангелы выше людей. - Девство полезно верующему, и по первоначальному плану творения оно только и должно бы господствовать на земле, потому что грех, бывший причиной смерти, был также и причиной греха. - Возможность размножения людей без брака. - Безбрачное происхождение первых людей и ангелов. - Таковым же было бы и распространение людей, если бы не согрешили прародители. - И теперь брак позволяется только как врачевство против невоздержания. - Воздержание есть дар Божий, но оно не исключает и содействия самого человека. - Картина несчастных браков. - Увещание девственниц, как и вдовам, что после произнесения обета целомудрия нельзя вступать в брак, не погрешая тяжко. - Брак есть цепь, потому что своими заботами и хлопотами повергает в рабство супругов. - Их взаимное подчинение есть тяжелая обязанность, и от нее они не могут избавляться иначе, как по взаимному согласию. - Лицемерные девственницы, уподобляющие себя неразумным девам. - Они будут лишены царства небесного. - Превосходство девства обнаруживается особенно в том, что оно облегчает нам совершение молитвы и добрых дел. - Неосновательность ссылки на Авраама в доказательство превосходства брака над девством. - Апостолы выше этого патриарха. - И богатый человек, состоящий в браке и занятый делами, также может вести жизнь праведную; но такие примеры редки. - Новый Завет требует большего совершенства, чем Ветхий, потому что в первом нам в большем изобилии даны дары и благодать Духа Святого.

Красоту девства иудеи презирают, и это нисколько не удивительно, если они не почтили Самого Христа, родившегося от Девы; а язычники восхищаются и поражаются ею; но ревнует о ней одна только Церковь Божья. Лев еретических я никогда не назову девственницами. - во-первых, потому, что они нечисты, так как не обручены одному мужу, как желает блаженный друг Жениха - Христа, когда говорит: "потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою" (2 Кор. 11:2). Хотя это сказано обо всей полноте Церкви, но под этими словами разумеются и девственницы. Как же могут быть чистыми те, которые не питают любви к одному Мужу, а присоединяют к Нему другого несуществующего бога? Итак, они не могут быть девственницами, во-первых по этой причине; а во-вторых потому, что они, признав брак бесчестным, стали воздерживаться от брака. Приняв же за правило считать брак порочным делом, они заранее лишили себя наград, принадлежащих девству; ибо справедливость требует, чтобы воздерживающиеся от злых дел не венцы получали, а только не подвергались наказанию. И такое установление можно видеть не только в наших, но и внешних (языческих) законах. Убийца, гласят (законы), пусть будет казнен смертью: но не прибавляют: неубивающий пусть получит почести. Вор, гласят (законы), пусть будет наказан; но не повелевают, чтобы достаивался дара тот, кто не похищает чужого; и, подвергая смерти прелюбодея, они не достаивают никакой награды того, кто не вредит чужим бракам. Это и весьма справедливо. Надобно воздавать похвалу и удивляться тем, которые преуспевают в добре, а не тем, которые (только) избегают зла: для последних довольно и той чести, если они не терпят ничего худого. Посему и Господь наш угрожал геенною тому, кто без причины и напрасно будет гневаться на брата своего и назовет его уродом (Матф. 5:22), но не обещал царствия небесного тем, которые не гnevаются напрасно и воздерживаются от злословия, а потребовал еще другого, большего и важнейшего, сказав: "любите врагов ваших" (Матф. 5:44). И, желая показать, как маловажно, незначительно и недостойно никакой чести, только воздерживаться от ненависти к братьям, Он, заповедав нечто гораздо большее, т. е. любить их и быть в дружестве с ними, сказал, что и этого недостаточно для того, чтобы нам удостоиться какой-нибудь чести; ибо как это возможно, когда мы в этом отношении нисколько не превосходим язычников? Посему, у нас должно быть приложено к этому нечто другое более важное, если мы желаем требовать награды. Если, говорит (Христос), Я не осуждаю на геенну тебя, воздерживающегося от злословия и гнева на брата, то по одному этому ты не считай себя достойным венцов; потому что Я требую не такой только меры благорасположения; но, хотя бы ты к незлословию прибавил, что и любишь его, ты еще вращаешься долу и ставишь себя в ряду мытарей; если же ты желаешь быть совершенным и достойным небес, то не останавливайся только на этом, но взойди выше и усвой себе помысел, превосходящий самую природу, то есть - любовь к врагам. Итак, когда все согласны с нами в этом, то пусть перестанут еретики напрасно утруждать самих себя; они не получат никакой награды, не потому, чтобы Господь был не правосуден - да не будет!, - но потому, что они сами несмысленны и лукавы. Как это? Выше доказано, что за одно воздержание от худых дел не полагается никакой награды; а они избегают брака потому, что считают его худым делом: как же они могут требовать награды за уклонение от худого? Как мы не удостоимся венцов за то, что не прелюбодействуем, так они - за то, что не вступают в брак. Им в тот день скажет Имеющий судить нас: Я уготовал почести не для тех, которые только воздерживались от злых дел (это для Меня маловажно), но тех, которые исполняли всякую добродетель, Я ввожу в нетленное небесное наследие. Как же вы, признав брань делом нечистым и скверным, за свое воздержание от скверного требуете наград, уготованных делающим доброе? И агнцев поставляет Он одесную, и благословляет, и вводит в царство, не за то, что они не похищали чужого, но за то, что и свое собственное разделяли с другими; и того, которому вручено было пять талантов, Он одобряет не потому, что он не уменьшил числа их, но потому, что еще умножил данное и возвратил залог сугубым. Доколе же вы не перестанете бегать напрасно, трудиться тщетно, всеу подвизаться и бить воздух (1 Кор. 9:26; Филип. 2:16)? И, о если бы

только напрасно! - хотя для трудившихся много и ожидавших наград еще больших, чем труды, и то не малым послужит наказанием, что они во время почестей окажутся между не получившими их.

2. Но не в этом только состоит их несчастье, и не тем только ограничится страдание их, что они ничего не приобрели; но последуют другие, еще гораздо более тяжкие наказания, - огонь неугасающий, червь неумирающий, тьма крошечная, скорбь, теснота. Посему нам нужны бесчисленные уста и ангельская сила, чтобы мы могли создать Богу достойную благодарность за Его попечение о нас; или лучше - и тогда это невозможно. Почему? Хотя старание о девстве и у нас и у еретиков одинаково, а может быть у них и гораздо большее, но плод этих трудов не одинаков: для них (готовятся) узы, слезы, скорби и вечные мучения, а для нас - участь ангельская, блистательные светильники и главнейшее из всех благ - общение с Женихом. Отчего же так, - за одни и те же труды возмездие противоположное? Оттого, что еретики избрали девство, чтобы поставить закон противный Богу; а мы это делаем, чтобы исполнить Его волю. Бог хочет, чтобы все люди воздерживались от брака, по свидетельству того, через которого Христос говорит: "ибо желаю, чтобы все люди были, как и я" (1 Кор. 7:7), т. е. в воздержании. Но Спаситель, шадя нас и зная, что "дух бодр, плоть же немощна" (Матф. 26:41), не поставил этого дела в непременную заповедь, но предоставил избрание его нашим душам. Если бы это было повелением и законом, то исполняющие его не получили бы награды, но услышали бы: "потому что сделали, что должны были сделать" (Лук. 17:10); равно как и преступившие не получили бы прощения, но подверглись бы наказанию, как нарушители закона; теперь же, сказав: "кто может вместить, да вместит" (Матф. 19:12), (Спаситель), с одной стороны, не осудил немогущих, а с другой - могущим открыл великий и чрезвычайный подвиг. Посему и Павел, шествуя по следам Учителя, говорит: "относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет" (1 Кор. 7:25).

3. Но ни Маркион, ни Валентин, ни Манес не удержались в (пределах) такой умеренности; ибо в них говорил не Христос, шадящий овец Своих и полагавший за них душу Свою, но человекоубийца, отец лжи (Иоан. 10:11; 8:44). Посему, они погубили и всех поверивших им, здесь обременив их бесполезными и невыносимыми трудами, а там увлекши вместе с собою в уготованный для них огонь.

4. О, вы более несчастны, чем даже язычники! Хотя язычников ожидают мучения геенны, но они, по крайней мере, здесь пользуются удовольствиями, вступая в браки, наслаждаясь богатством и другими житейскими приятностями; вам же и здесь и там предстоит терпеть мучения и скорби, здесь добровольно, а там неволью. И языщикам за пост и девство награды никто не даст и не предложит наказание; а вы подвергнетесь крайнему осуждению за то самое, за что ожидали бесчисленных похвал, и вместе с другими услышите: "идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его" (Матф. 25:41) - за то, что вы постились, за то, что вы девствовали. Сами по себе пост и девство ни добро, ни зло, но бывают тем или другим от намерения упражняющихся в них. Для язычников такая добродетель бесплодна: потому что они удаляют от себя награду тем, что не по страху Божью преуспевают в ней; а вы, восставая против Бога и клеветая на Его создания, не только удаляете от себя награду, но даже будете за то наказаны. За догматы вы будете поставлены наряду с язычниками; потому что, подобно им, отвергнув истинного Бога, вы ввели многобожие; а по жизни они будут лучше вас. Их беда ограничивается тем, что они не получают никакого блага, вам же предстоит кроме того терпеть еще и зло; но им пришлось насладиться всем в настоящей жизни, а вы лишили себя и того и другого. Получить мучения в воздаяние за труды и усилия - может ли какое-нибудь наказание быть тяжелее этого? Прелюбодей, любостяжатель, пользующийся чужим, обкрадывающий ближнего, имеют некоторое утешение, хотя маловажное, однако имеют, - в том, что они наказываются за здешние наслаждения. Но и сказать нельзя, какая скорбь постигнет того, кто добровольно принял нищету, дабы там обогатиться, и решился на подвиги девства, дабы там ликовать вместе с ангелами, и вдруг, сверх всякого ожидания, будет наказываться за то самое, за что надеялся получить бесчисленные блага. Я думаю, что совесть будет терзать его так же, как огонь, когда он

представит, что те, которые одинаково с ним трудились, пребывают со Христом, а он за то же самое, за что они наслаждаются неизреченными благами, терпит крайнее наказание, и, хотя вел строгую жизнь, страдает даже более людей распутных и сладострастных.

5. Подлинно, целомудрие еретиков хуже всякого распутства. Последнее причиняет обиду людям, а первое восстает против Бога и оскорбляет бесконечную премудрость: такие сети расставляет дьявол своим служителям. А что девство еретиков действительно есть изобретение его лукавства, это говорю не я, а Тот, Кому не безызвестны его замыслы. Что же Он говорит? "Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак [и] употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением" (1 Тим. 4:1-3). Как же может быть девственницей та, которая отступила от веры, слушается обольстителей, доверяется демонам, почитает ложь? Как может быть девственницей та, у которой сожжена совесть? Девственница должна быть чиста не телом только, но и душой, если желает принять святого Жениха; а та (дева еретическая) как может быть чистой, имея столько пятен? Если надобно устранять даже житейские попечения от этого брачного чертога, как несовместные с его благообразием, то, как будет в состоянии сохранить красоту девства та, внутри которой обитает нечестивый помысел?

6. Хотя тело ее и остается нерастленным, но растлилась лучшая часть ее - душевные помыслы; а что пользы в том, что остаются ограды, когда храм разрушен? Или какая польза от того что место престола остается чистым, если самый престол осквернен? А лучше сказать, и тело ее не свободно от осквернения. Богохульство и злоречие хотя рождаются внутри, но не остаются в душе, а, быв произнесены устами, оскверняют как язык (говорящего), так и слух внимлющего, и, подобно ядовитым зельям, проникая в самую душу, передают корень (существа человеческого) хуже всякого червя, а с ним вместе губят затем и все тело. Итак, если сущность девства состоит в святости тела и духа, а (дева еретическая) осквернена и нечиста в том и другом отношении, то, как может она быть девственницей? Но она указывает мне на бледность (своего лица), на изнуренные члены (тела), на убогую одежду, на смиренный взор. А что пользы в этом, когда внутренний взор ее бесстыден? Что может быть бесстыднее того взора, который располагает и здешние глаза - смотреть на создания Божьи, как на зло? "Вся слава дочери Царя внутри" (Псал. 44:14); а она извратила стройность этого изречения, извне облекшись в славу, а внутри имея всякое бесчестие. В том и беда, что перед людьми она выказывает великое благоприличие, а перед создавшим ее Богом позволяет себе великое безумие; и та, которая остерегается взглянуть на мужчину, - если только есть такие (девы) между еретиками, - бесстыдными очами взирает на Владыку людей и изрекает хулу на небо: побледнело у них лицо и уподобилось мертвому. Потому они и достойны слез и многих сетований, что приняли на себя такой труд не только напрасно, но и на погибель своей головы.

7. Одежда их убога? Но не в одеждах и не в цвете одежд заключается девство, а в теле и душе. Если мы о философе судим не по волосам, не по трости и не по хитону, но по нравам и душе, и о воине - не по плащу и поясу, но по силе и мужеству; то не нелепо ли было бы так просто и легкомысленно полагать всю доблесть девственницы, - этого дивного и превосходящего все человеческое явления, - в неубранных волосах, в поникшем лице и в серой одежде, не вникнув в ее душу и не исследовав тщательно ее внутреннего настроения? Но этого не допускает тот, кто постановил законы такого подвижничества. Он повелевает не по одеждам судить о посвятивших себя на этот подвиг, но по верованиям и по душе. "Все подвижники", говорит он, "воздерживаются от всего" (1 Кор. 9:25), от всего вредного для здоровья души; и: "не увенчивается, если незаконно будет подвизаться" (2 Тим. 2:5). Какие же законы этого подвижничества? Послушай, что еще он говорит, или лучше, через него Сам Подвигположник Христос: "брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно" (Евр. 13:4).

8. Но что мне до этого, скажешь ты, когда я совершенно отказалась от брака? Вот это, - о, несчастная! - это и погубило тебя, что ты думаешь, будто это учение не имеет никакого к тебе отношения. Оттого ты, увлекшись непомерным презрением к этому предмету, и оскорбила Божью премудрость и оклеветала все создание. Если бракосочетание - дело нечистое, то нечисты и все рождающиеся от него, нечисты и вы, чего я не сказал бы о природе человеческой. Как же нечистая будет девственницей? Вами придуман этот второй, или - лучше - третий род осквернения и нечистоты; вы, избегая брака, как нечистого, через это самое удаление стали сквернее всех, изобретши девство, которое гнуснее прелюбодеяния. С кем же мы поставим вас наряду? С иудеями? Но они не потерпят этого, потому что почитают брак и восхищаются созданием Божиим. С нами? Но вы не захотели послушать Христа, говорящего через Павла: "брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно" (Евр. 13:4). Остается (наконец) поставить вас наряду с язычниками; но и они также оттолкнут вас, так как вы нечестивее их. Платон говорит, что благ был устроивший все это, и что в благом не бывает зависти ни к кому и ни в чем [2]; а ты называешь Его злым и виновником злых дел. Но не пугайся: общниками в таком учении ты имеешь дьявола и ангелов его, или - лучше - и не их, ибо, хотя они и внушили тебе такое безрассудство, не думай, чтобы они и сами так рассуждали. Они знают, что Бог благ. Послушай, как они сами говорят, то, взывая: "знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий" (Марк. 1:24), то такими словами: "сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения" (Деян. 16:17). Неужели еще вы будете упоминать о своем девстве и хвалиться им, вместо того, чтобы, удалившись плакать о самих себе и рыдать о безумии, которым дьявол связал вас, как пленниц, и увлек в огонь геенны? Ты не вступала в брак? Но это еще не девство. Я могу называть девственницей только такую женщину, которая, быв властна вступить в брак, однако не вступила; а когда ты говоришь, что брак принадлежит к числу запрещенных дел, то твой подвиг становится уже не подвигом произволения, но требованием закона. Посему мы удивляемся тем из персов, которые не женились на своих матерях, но не удивляемся тому же у римлян; потому что у последних такое дело представлялось омерзительным для всякого, а у персов безнаказанность державших на это, делала достойными похвалы тех, которые воздерживались от подобных кровосмешений. Так же надобно рассуждать и о браке. У нас он позволяется всем и посему мы справедливо удивляемся безбрачным; а вы, поставившие брак наряду с худшими делами, уже не можете ожидать похвал за безбрачие; ибо воздержание от запрещенного еще не есть признак доблестной и бодрой души. Совершенство добродетели состоит не в том, чтобы не делать того, за что мы у всех стали бы считаться худыми, но в том, чтобы блистать такими делами, которые и не совершивших не подвергают за это осуждению, и совершивших и отличившихся ими не только освобождают от славы дурных людей, но и поставляют в ряду добродетельных. Как никто не будет хвалить за девство евнухов, не вступающих в брак, так и вас. Что у них происходит по необходимости естества, то у вас делается по предубеждению лукавой совести; и, как евнухов телесный недостаток лишает уважения за это дело, так и вас, хотя и остающихся с естеством неповрежденным, лишив здравых мыслей и поставив в необходимость быть безбрачными, дьявол, с одной стороны изнуряет трудами, и с другой - не допускает получить почести. Ты препятствуешь вступать в брак? Поэтому за безбрачие тебе и предстоит не награда, а наказание и мучение.

9. А ты, скажет кто-нибудь, разве не препятствуешь браку? - Отойди от меня, чтобы и мне не впасть в безумие вместе с тобою. - Почему же, скажешь, ты увещаешь не вступать в брак? - Потому, что девство я считаю гораздо досточтимее брака; и, однако, через это я не поставлю брака в числе худых дел, но даже очень хвалю его. Он есть пристань целомудрия для желающих хорошо пользоваться им, не позволяя неистовствовать природе. Выставляя законное совокупление, как оплот, и таким образом удерживая волны похоти, он поставляет и сохраняет нас в великом спокойствии. Но есть люди, которые не нуждаются в таком ограждении, и вместо того укрощают ярость естества постами, бдениями, земными поклонами и другими суровостями жизни; таким людям я советую не вступать в брак, но не запрещаю брака. Между советом и запрещением великое различие, такое, какое

между произволением и необходимостью. Советующий предоставляет слушателю власть в избрании того, что он советует; а запрещающий отнимает у него эту власть. Притом я, советуя, не осуждаю брака и не виню того, кто не послушается меня, а ты, отвергая брак и признавая его дурным делом, и присваивая себе право законодателя, а не советника, естественно ненавидишь тех, кто не слушается тебя. Не так я (поступаю); но с одной стороны удивляюсь выступившим на этот подвиг, а с другой не виню и тех, которые остаются вне этого подвига. Осуждение тогда только было бы справедливо, если бы кто стремился к признанному всеми злу; тот же, кто имеет меньшее благо, и не достиг большего, хотя лишается похвал и удивления за это, но по справедливости не может быть осуждаем. Как же я препятствую вступать в брак, когда не осуждаю брачующихся? Запрещаю я блуд и прелюбодеяние, но брак никогда. И дерзающих на первое, я наказываю и отлучаю от церковного общества, а избравших последнее, если они соблюдают целомудрие, я непрестанно хвалю. Таким образом, отсюда происходят две выгоды: одна та, что не осуждается установление Божье, а другая та, что не только не унижается достоинство девства, но даже оказывается гораздо более почтенным.

10. Так, кто охуждает брак, тот сокращает славу и девства; а кто одобряет брак, тот еще более возвышает девство и делает его более дивным и светлым. Что является добром в сравнении лишь со злом, то не есть еще великое добро; а что лучше всякого общепризнанного добра, то есть добро по преимуществу; таким добром мы и представляем девство. Посему как те, которые охуждают брак, лишают через то похвал девство, так не порицающий брака восхваляет не столько брак, сколько девство. И из тел мы называем красивыми не те, которые лучше изуродованных, но те, которые лучше целых и не имеющих никакого повреждения. Брак - добро; и девство потому достойно удивления, что оно лучше добра, и столько лучше, сколько кормчий превосходит гребцов и полководец - воинов. Но как, отняв у корабля гребцов, ты потопишь корабль, и, удалив из сражения воинов, предашь в плен врагам самого полководца: так и здесь, если ты низведешь брак с его высокой степени, то уронишь славу девства и низведешь его до последней степени зла. Девство - добро: утверждаю это и я; оно лучше брака: и с этим соглашаюсь. И если угодно, я прибавлю, насколько оно лучше, - именно настолько, насколько небо лучше земли, и ангелы - людей, а сильнее сказать, то и этого больше. Ангелы, хотя также не женятся и не посягают (Марк. XII, 25), но не имеют плоти и крови, живут не на земле, не тревожатся множеством вождений, не нуждаются в пище и питье, не расслабляются приятной песнью, не соблазняются красивым лицом и не испытывают ничего другого подобного; а как в ясный полдень небо представляется чистым, не затмеваясь ни каким облаком, так и их природа необходимо пребывает светлой и блистательной, не омрачаясь никакой похотью.

11. Род же человеческий, по природе своей уступая этим блаженным существам, напрягает свои силы и тщательно старается, по возможности, сравниться с ними. Каким образом? Ангелы ни женятся, ни посягают; не делает этого и девственница. Те непрестанно предстоят и служат Богу: то же делает и девственница. Посему и Павел освободил девственниц от всех других забот, для непрестанного и не развлекаемого служения Богу (1 Кор. 7:35 и дал.). Хотя они пока еще не могут восходить на небо, как ангелы, потому что плоть удерживает их, но и здесь они имеют великое утешение, принимая самого Владыку небес, если будут святы телом и духом. Видишь ли достоинство девства, как оно способствует пребывающим на земле проводить жизнь подобно небожителям, облеченным плотью не позволяет уступать силам бесплотным, людей ведет к соревнованию с самими ангелами? Но все это не относится к вам, искажающим такое дело, клеветующим на Владыку, называющим Его злым. Вас ожидает наказание лукавого раба, а девственницам Церкви предлежат многие и великие блага, превосходящие и зрение, и слух и мысль человеческую. Посему, оставив еретиков (так как для них довольно уже сказано), обратим речь затем к чадам Церкви.

12. С чего же прилично начать слово? С тех самых слов Господа, которые Он вещает через блаженного Павла: ибо надобно верить, что совет апостола есть совет Господа. Так словами: "а

вступившим в брак не я повелеваю, а Господь" (1 Кор. 7:10), и еще: "прочим же я говорю, а не Господь" (1 Кор. 7:12), апостол не то хочет сказать, что одно из этих (завещаний) принадлежит ему самому, а другое Господу. Как решился бы сказать, или помыслить что-нибудь неугодное Христу, и притом в виде узаконения, тот, кто имел в себе говорящего Христа, кто для того только старался и жить, чтобы жил в нем Христос, у кого и царство и жизнь, и ангелы и силы, и всякое другое творение и вообще все занимает второстепенное место после любви к Нему? Итак, что же значат слова апостола: "я" и "не я"? То, что одни из законов и догматов преподал нам Христос, Сам, непосредственно, а другие через апостолов. А что Сам Он не все (законы и догматы) постановил непосредственно, об этом, послушай, что говорит Он: "еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить" (Иоан. 16:12). Таким образом, "жене не разводиться с мужем" (1 Кор. 7:10) Христос еще прежде постановил, когда был на земле во плоти, и потому апостол говорит: "а вступившим в брак не я повелеваю, а Господь". Но касательно неверных Он ничего не сказал нам Сам непосредственно, а дал закон, подвигнув к тому душу Павла. Посему и сказал апостол: "не Господь, но я", желая выразить не то, что сказанное им есть учение человеческое (как это возможно?), но что Господь преподал эту заповедь не тогда, когда обращался с учениками, а после - через него. Как слова: "Господь, не я" - не то означают, будто он не соглашается с повелением Христа; так и слова: "я, не Господь" - означают не то, будто апостол говорит что-нибудь особенное, неугодное Богу, но только то, что эта заповедь теперь преподается через него. Так и, беседуя о вдовице, он говорит: "но она блаженнее, если останется так, по моему совету" (1 Кор. 7:40). Потом, дабы ты, услышав слова: "по моему совету", не подумал, будто это суждение человеческое, он, устраняя недоразумение, прибавил: "а думаю, и я имею Духа Божия" (1 Кор. 7:40). Как то что он вещает от Духа и называет своим мнением, мы поэтому не назовем изречением человеческим, так и здесь, когда он говорит: "я говорю, не Господь", не думай, будто это - слово Павлово; ибо он имел в себе говорящего Христа, и не дерзнул бы изречь такого учения, если бы не принял от Него для нас этого закона. Иначе кто-нибудь сказал бы ему: я, как верный, не могу жить с неверной, чистый с нечистой; ты же сам предварительно сказал, что это говоришь ты, а не Господь; где же я найду безопасную и надежную опору? А Павел сказал бы ему: не бойся; для того я и сказал, что имею в себе говорящего Христа и что "а думаю, и я имею Духа Божия", чтобы ты в словах моих не подозревал ничего человеческого; если бы это было не так, то я не приписал бы такой силы своим суждениям. "Помышления смертных нетверды, и мысли наши ошибочны" (Премуд. 9:14). И вся вселенская Церковь подтверждает силу этого закона, в точности соблюдая его; а она не соблюдала бы, если бы не была вполне убеждена, что это изречение есть повеление Христово. Итак, что же Павел говорит по внушению Господа? "а о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины" (1 Кор. 7:1). Здесь можно бы похвалить коринфян за то, что они, не получив от учителя никакого совета касательно девства, сами предупредили его своим вопросом. Отсюда уже открывается преуспевание их в благодати, так как в ветхом завете этот предмет не подвергался недоумению; ибо не только все прочие, но и левиты и священники, и сам великий архиерей придавали великую важность браку.

13. Почему же коринфяне пришли к такому вопросу? Они ясно и хорошо понимали, что для них потребна высшая добродетель, так как они удостоены и большего дара. Достойно внимания и то, почему апостол прежде никогда не предлагал им такого совета: если бы они слышали что-нибудь подобное прежде, то, конечно не написали бы снова, спрашивая опять о том же. Подлинно, и здесь можно видеть глубину мудрости Павла. Не без причины и не напрасно он прежде не давал совета касательно этого дела, но ожидал, чтобы наперед сами они пожелали и получили некоторое понятие о нем, чтобы, имея перед собою души уже расположенные к девству, с пользой сеять слово, когда самое расположение слушателей к этой добродетели много способствовало бы к принятию увещания; а с другой стороны он показал этим величие и большую важность самого дела. В противном случае, он, конечно, не ожидал бы их готовности, но сам предварительно предложил бы это, если не в виде повеления и заповеди, то в виде увещания и совета. Не начиная сам делать этого прежде, он ясно

внушил нам, что девство требует многих усилий и великих подвигов; и поступил так, подражая и здесь общему нашему Владыке. Который тогда стал беседовать о девстве, когда спросили Его о том ученики. Так, когда они говорили: "если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться", тогда Он сказал: "есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного" (Матф. 19:10,12). Когда требуемое дело велико, и потому не может быть поставлено в необходимую заповедь, тогда надобно ожидать готовности намеревающихся исполнять его, возбуждая в них наперед хотение и желание другим каким-нибудь образом и незаметно для них. Так и поступил Христос. Не беседами о девстве Он возбудил в них желание девства, но, беседуя только о браке и показывая его тяжесть и не простирая речи далее этого, Он так мудро устроил, что не слышавшие еще ничего о безбрачии сами от себя сказали: "лучше не жениться". Посему и Павел, подражатель Христов, говорил: "а о чем вы писали ко мне", как бы оправдываясь пред коринфянами и говоря так: я не решался возводить вас на такую необыкновенную высоту по причине трудности этого дела; но когда вы сами предварительно написали мне об этом, то я смело даю вам совет. Почему он нигде в другом месте не сделал подобного прибавления, хотя они о многом писали к нему? Не почему-либо другому, как потому, о чем я теперь сказал: т. е. чтобы кто-нибудь не огорчился таким увещанием, он напоминает им о письмах, которые они прислали ему, и притом предлагает увещание не строго, хотя имел повод к тому, но весьма снисходительно, подражая и в этом Христу; ибо и Спаситель, окончив речь о девстве, присовокупил: "кто может вместить, да вместит" (Матф. 19:12). Что же говорит апостол? "а о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины" (1 Кор. 7:1).

14. Но, может быть, кто-нибудь скажет: если добро "хорошо человеку не касаться женщины", то для чего установился в жизни брак? Какая будет нам нужда в женщине, если она не будет приносить нам пользы ни в браке, ни в деторождении? И что воспрепятствует уничтожению всего рода человеческого, когда смерть каждодневно убавляет и поражает его, а это учение не позволяет восстанавливать других на место падших? Если бы мы все стали ревновать об этом благе и не прикасались бы к женщинам, то исчезло бы все, и города и дома, и нивы и искусства, и животные и растения; потому что, как с падением военачальника необходимо расстраивается весь порядок войска, так и с уничтожением, от безбрачия, царствующего над всем земным человека, ничто остальное не останется в прежнем устройстве и порядке, и, таким образом, эта добрая заповедь исполнит вселенную бесчисленных зол. Если бы так говорили только враги и неверные, то я признал бы слова их маловажными; но так как и многие, по-видимому, принадлежащие к Церкви говорят это, с одной стороны, по слабости воли оставив девственные подвиги, а с другой - желая охудением и пренебрежением девства прикрыть свое нерадение, чтобы иметь повод уклоняться от этих подвигов не по небрежности, а по здравому суждению ума, то мы теперь, оставив врагов ("душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием" (1 Кор. 2:14)), научим выдающих себя за наших тому и другому, т. е., что девство не только не излишне, но и очень полезно и необходимо, и что такое суждение не останется для них безнаказанным, но навлечет на них столько бед, сколько подвизающиеся в девстве получают наград и похвал. Когда сотворен был весь этот мир и устроено все необходимое для нашего наслаждения и употребления, то Бог создал человека, для которого и сотворил мир. Первозданный жил в раю, а о браке и речи не было. Понадобился ему помощник, - и он явился; и при этом брак еще не представлялся необходимым. Его не было бы и доселе, и люди оставались бы без него, живя в раю, как на небе, и наслаждаясь беседой с Богом; плотская похоть, зачатие, болезни чадородия и всякая вообще тленность не имели бы доступа к их душе, но, подобно светлomu ручью, текущему из чистого источника, люди пребывали бы в том жилище, украшаясь девством. На всей земле не было тогда людей, чего теперь боятся те попечители вселенной, которые тщательно заботятся о чужих делах, а не хотят помышлять о своих, которые опасаются, как бы не прекратился весь род человеческий, а нерадят каждый о собственной душе так, как бы о чужой, хотя о ней потребуются от них точный отчет даже в малейших предметах, между тем

как, за уменьшение людей они не будут подлежать ни малейшей ответственности. Не было тогда ни городов, ни искусств, ни домов, о чем вы также не мало заботитесь; не было тогда ничего этого, однако ничто не возмущало и не извращало той жизни блаженной и гораздо лучшей, чем настоящая. Когда же (первозданные) преслушались Бога и сделались землею и пеплом, то вместе с той блаженной жизнью утратили и красоту девства; и оно, вместе с Богом, оставило их и удалилось. Пока они не были уловлены дьяволом и почитали своего Владыку, дотоле и девство продолжало украшать их более, нежели царей украшают диадема и золотые одежды; а когда они, сделавшись пленниками, сняли с себя это царское одеяние и сложили это небесное украшение, и приняли смертное тление, проклятие, скорбь и многотрудную жизнь, тогда вместе с этим произошел и брак - эта смертная и рабская одежда. "а женатый", говорит (апостол), "заботится о мирском" (1Кор. 7:33). Видишь ли, откуда получил свое начало брак и отчего он оказался необходимым? От преслушания, от проклятия, от смерти. Где смерть, там и брак; не будь первой, не было бы и последнего. Но девство не имеет такой связи (со смертью); оно всегда полезно, всегда прекрасно и блаженно, и прежде смерти, и после смерти, и прежде брака и после брака. Какой брак, скажи мне, породил Адама, какие болезни чадородия произвели Еву? Ты ничего не можешь сказать на это. Для чего же напрасно боишься и опасаться, как бы с прекращением брака не прекратился и род человеческий? Тьмы тем ангелов служат Богу и тысячи тысяч архангелов предстоят Ему (Дан. VII, 10), и ни один из них не произошел по преемству, от родов, болезней чадородия и зачатия. Таким образом, Бог тем более мог бы без брака создать людей, как создал Он и первых, от которых произошли все люди.

15. И теперь не сила брака умножает род наш, но слово Господне, сказанное в начале: "плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю" (Быт. 1:28). Помог ли, скажи мне, брак Аврааму в деторождении? Не после ли столь многих лет брачного состояния он сказал: "Владыка Господи! что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным" (Быт. 15:2)? Посему, как тогда в омертвелых телах Авраама и Сарры Бог устроил источник и корень столь многих тысяч людей, так и в начале, если бы Адам и Ева, повинаясь заповедям Его, удержались от наслаждения древом (познания добра и зла), не оказалось бы недостатка в способе, как размножить род человеческий. Ни брак, без соизволения Божьего, не может умножить числа существующих людей, ни девство не может повредить размножению их, когда Он желает, чтобы их было много; но Бог соизволил так, как говорит (Писание), из-за нас и вследствие нашего непослушания. Иначе, почему брак не явился прежде обольщения? Почему в раю не было соития? Почему прежде проклятия не было болезней чадородия? Потому, что тогда это было излишним, а после стало необходимым, по причине нашей немощи, как это, так и все прочее: города, искусства, одежды и множество остальных нужд. Все это привлекла и привнесла смерть вместе с собою. Итак, что допущено по причине твоей немощи, того не предпочитай девству или, лучше сказать, и не равняй с ним; иначе, продолжая эту речь, ты скажешь, что и двух жен иметь лучше, нежели довольствоваться одною, так как и это дозволено в законе Моисеевом; а затем ты предпочтешь также богатство произвольной нищете, пресыщение воздержанию и мщение великодушному перенесению обид.

16. Ты же, скажет кто-нибудь, оуждаешь все это. - Нисколько не оуждаю, потому что это позволено Богом и в свое время было полезно; но я утверждаю, что это маловажно и составляет занятие более детей, нежели мужей. Посему и Христос, желая сделать нас совершенными, повелел отлагать это, как одежды детские и неспособные ни прикрыть человека взрослого, ни украсить "в меру полного возраста Христова" (Ефес. 4:13), а повелел облекаться в одежды более благообразные и совершенные, не противореча себе, но вполне последовательно. Хотя последнее повеление больше первого, но цель Законодателя одна и та же. Какая же это цель? Пресечь порочность нашей души и возвести ее к совершенной добродетели. Если бы Он заботился не о том, чтобы поставить закон высший в сравнении с прежним, но о том, чтобы оставить все в одном и том же виде навсегда и никогда не освобождать от прежней недостаточности, то это было бы делом того, кто весьма противоречит

самому себе. И как, если бы Он узаконил такой строгий образ жизни в начале, когда род человеческий был еще в детстве, мы никогда не получили бы соразмерного (узаконения) и от такой несоразмерности расстроилось бы все дело нашего спасения; так, и если бы Он после долгого времени оставил в силе на земле руководство закона, когда время уже призывало к небесному любомудрию, мы не получили бы никакой пользы от Его пришествия, ибо совершенство, для которого совершилось это пришествие, не касалось бы нас.

17. А теперь произошло подобное тому, что бывает с птенцами. Когда мать вскормит их, то выводит из гнезда: если же заметит, что они еще слабы, падают и имеют нужду оставаться внутри гнезда, то оставляет их там еще на несколько дней, не с тем, чтобы они навсегда там оставались, но чтобы впоследствии, когда у них хорошо окрепнут крылья и когда придет сила, они могли летать безопасно. Так и Господь наш искони влек нас к небу и указывал нам путь, ведущий туда, не не зная, а, вполне зная, что мы были неспособны к такому парению, но желая показать нам, что наше падение бывает не по Его воле, а по нашей немощи. Показав это, Он потом оставил нас на долгое время воспитываться в этом мире и браке, как бы в гнезде. Когда же у нас в течение долгого времени выросли крылья добродетели, то Он пришедши стал тихо и мало-помалу выводить нас из здешнего жилища, научая парить в горнее. Таким образом, тогда как некоторые, оставаясь нерадивыми и почивая глубоким сном, пребывают еще в гнезде, прилепившись к мирскому, другие, поистине благородные, любящие свет, с великою легкостью покинув это гнездо, взлетают на высоту и достигают небес, отказавшись от всего земного, от брака, имущества, забот, вообще от всего, что обыкновенно привлекает нас к земле. Посему, мы не должны думать, что сначала дозволенный брак сделался впоследствии такою необходимостью, которая препятствует уклоняться от брака. Что Господь желает, чтобы мы уклонялись от брака, о том послушай, как Он говорит: "кто может вместить, да вместит" (Матф. 19:12). Если же Он сначала не узаконил этого, не удивляйся: и врач больным не предписывает всего вдруг и в одно и то же время, но пока они одержимы горячкою, он удерживает их от твердой пищи, а когда горячка и происшедшая от нее слабость в теле пройдет, тогда он, наконец, избавив их от неприятных яств, предлагает им обычную пищу. Как в телах стихии, перемешавшись одни с другими, вследствие своего избытка или недостатка, производят болезнь: так и в душе неумеренные порывы страстей расстраивают ее здоровье; и весьма нужно во время, соответствующее появившимся страстям, иметь еще заповедь (против них), так как без того и другого закон сам по себе не в состоянии исправить происшедшее в душе нестроение, подобно тому, как естественные свойства лекарств сами по себе никогда не могут уничтожить рану, а что для ран - лекарства, то для грехов - законы. Врача, производящего то вырезывание, то прижигание, а иногда не делающего ни того, ни другого при одних и тех же ранах, и притом часто не достигающего своей цели, ты не расспрашиваешь; почему же ты, человек, испытываешь Бога, никогда не погрешающего, но все устраивающего достойно свойственной Ему премудрости, требуешь от Него отчета в заповедях и не хочешь уступить бесконечной премудрости? Не крайнее ли это безумие? Он сказал: "плодитесь и размножайтесь" (Быт. 1:28) потому, что этого требовало время, когда природа неистовствовала и не могла выдерживать напора страстей, и не имела при такой буре никакой другой пристани для прибежища. И что другое следовало бы заповедать? Проводить жизнь в воздержании и девстве? Но от этого произошло бы тягчайшее падение и более усилилось бы пламя (страстей). Если бы детей, имеющих нужду в одном только молоке, кто-нибудь лишил этой пищи и принудил принимать другую, пригодную для взрослых, то ничто не избавило бы их от скорой смерти. Так вредна безвременность. Посему и девство не преподано в начале: или лучше сказать, девство явилось нам в начале и прежде брака, а после по изъясненным причинам превзошел брак и стал считаться необходимым, хотя в нем и не было бы нужды, если бы Адам пребыл послушным. Каким же образом, скажешь, произошло бы столько тысяч людей? Если тебя продолжает очень беспокоить это опасение, то я опять спрошу тебя: как произошел Адам, как Ева, без посредства брака? Неужели, скажешь, таким образом стали бы происходить все люди? Таким

или другим, об этом я не стану говорить, потому что теперь объясняется то, что Бог не имел нужды в браке для размножения людей на земле.

18. А что не девством причиняется уменьшение человеческого рода, а грехом и распутством, это показала бывшая при Ное погибель людей и скотов и вообще всего живущего на земле. Если бы сыны Божьи устояли тогда против порочной похоти и почтили девство, если бы они не взирали нечестивыми очами на дочерей человеческих, то их не постигла бы такая погибель. Впрочем, пусть никто не думает, будто причиною их гибели я считаю брак; не об этом я говорю теперь, но о том, что род наш погибает и истребляется не от девства, а от греха.

19. Брак дан для деторождения, а еще более для погашения естественного пламени. Свидетель этому Павел, который говорит: "но, [во избежание] блуда, каждый имей свою жену" (1 Кор. 7:2). Не сказал: для деторождения. И затем "будьте вместе" (1 Кор. 7:5) повелевает он не для того, чтобы сделаться родителями многих детей, а для чего? "чтобы не искушал", говорит, "вас сатана". И продолжая речь, не сказал: если желают иметь детей, а что? "но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак" (1 Кор. 7:9). В начале брак имел, как я сказал, две вышеупомянутые цели, но впоследствии, когда наполнились и земля, и море, и вся вселенная, осталось одно только его назначение - искоренение невоздержания и распутства; ибо для людей, которые и теперь еще предаются этим страстям, хотят вести жизнь свиней и растлеваться в непотребных убежищах, брак не мало полезен, освобождая их от нечистоты и такой потребности и сохраняя их в святости и честности. Впрочем, доколе я буду сражаться с тенями? Сами вы, говорящие это, не хуже нас знаете превосходство девства, и все, что вами сказано, суть только вымыслы, предлоги и прикрытия невоздержания.

20. Если бы даже можно было безнаказанно говорить это, и тогда надобно было бы воздержаться от порицания (девства). Кто держится своего мнения против чего-либо хорошего, тот, кроме другого вреда, своим превратным и несправедливым отзывом представляет всем немалое свидетельство собственного непотребства; посему, если не по другой какой причине, то, по крайней мере, во избежание столь дурного о себе мнения, следовало бы удерживать язык, помня, что тот, кто удивляется людям, прославившимся величайшими подвигами, хотя бы сам и не мог достигнуть того же, получит прощение от всех, а тот, кто, кроме того, что сам не подвизается, еще и оуждает достойное многих венцов, справедливо будет всеми ненавидим, как враг и противник добродетели и находящийся в худшем состоянии, чем сумасшедшие. Эти люди не сознают того, что делают, и невольно подвергаются страданиям, а потому, когда даже оскорбляют властителей, не только не наказываются, но и возбуждают жалость к себе в самих обиженных. Если же кто самовольно дерзнет на то, что те делают невольно, то справедливо будет осужден единогласно всеми, как враг нашей природы.

21. Таким образом, как я сказал, от порицания (девства) следовало бы воздерживаться и тогда, когда бы такое порицание было безопасно. Но между тем, с этим сопряжена еще великая опасность; ибо не тот только, кто "сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клеветешь" (Псал. 49:20), будет наказан, но и тот, кто дерзает порицать то, что перед очами Божьими прекрасно. Послушай, что говорит другой пророк, рассуждая о том же самом: "горе тем, которые зло называют добром, и добро - злом, тьму почитают светом, и свет - тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое - горьким" (Иса. 5:20). А что сладостнее, прекраснее и светлее девства? Оно издает лучи светлее самых лучей солнечных, отрешая нас от всего житейского и приготавливая взирать чистыми очами прямо на Солнце правды. Это возглашал Исаия о тех (из иудеев), которые имели у себя превратные суждения; а послушай, что говорит другой пророк о произносящих против других такие пагубные слова, начиная речь тем же самым восклицанием: "горе напояющему подруга своего развращением мутным" (Авв. 2:15) (синод. пер. - "горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей"). –

"Горе" здесь не пустое слово, но угроза, предвещающая нам невыразимое и беспощадное мучение; ибо в Писаниях это междометие употребляется о тех, которые уже не могут избежать будущего наказания. И еще другой пророк, укоряя иудеев, говорит: "назореев поили вином" (Амос. 2:12). Если же такому наказанию подвергнется напояющий назореев вином, то какой казни не будет достоин тот, кто вливает "мутное развращение" в простые души? Если подрывающий малую часть законного подвижничества неизбежно подвергается мучению, то какое осуждение постигнет того, кто дерзает потрясать всю эту святыню? "а кто соблазнит одного из малых сих", говорит (Господь), "тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской" (Матф. 18:6). Что же скажут те, которые соблазняют своими словами не одного малого, но многих? Если, называющий брата уродом, будет прямо ввержен в геенский огонь, то какой гнев навлечет на свою голову тот, кто порицает этот равноангельский образ жизни? Посмеялась некогда Мариам над Моисеем, не так впрочем, как вы теперь - над девством, а гораздо меньше и умереннее, ибо она не унижала его и не осмеивала доблести этого ублажаемого тогда мужа, но и очень уважала его, а сказала только, что и она достигла того же, чего достиг он; и однако, этим навлекла на себя такой гнев Божий, что несколько не помогли даже усиленные молитвы самого обиженного, но наказание ее продлилось долее, нежели как он думал.

22. Что я говорю о Мариам? Даже дети, игравшие подле Вифлеема, когда сказали Елисею только: "иди, плешивый" (4 Цар. 2:23-24), так прогневали Бога, что при этих словах медведицы напали на их толпу (их было сорок два), и все они тогда были растерзаны этими зверями: ни возраст, ни многочисленность, ни то, что они говорили это в шутку, - ничто не спасло отроков; и весьма справедливо. Если принявшие на себя такие подвиги будут осмеиваться и детьми и взрослыми, то кто из слабейших решится принять на себя подвиги, преследуемые насмешками и глумлением? Кто из народа будет ревновать о добродетели, видя ее в таком посмеянии? Если теперь, когда ей все везде удивляются, не только те, которые упражняются в ней, но и те, которые отпали от нее, - многие не решаются и уклоняются от этих подвигов, то скоро ли кто-нибудь захотел бы избрать ее, если бы видел, что все люди, кроме того, что не восхищаются ею, но еще клеветают на нее? Мужчины очень крепкие и как бы уже переселявшиеся на небо, конечно, несколько не нуждаются в ободрении от толпы: для их ободрения вполне достаточно похвалы от Бога; но слабейшие и недавно приступившие к этому подвигу получают не малое подкрепление от мнения народа, пока, руководимые всеми, они мало-помалу достигнут того, что не станут нуждаться в таком руководстве. И не для них только бывает это, но и для спасения самих издевающихся, чтобы они не преуспевали больше в своей порочности от того, что не получили никакого наказания за прежнее. При этих словах мне пришло еще на память случившееся при Илие (4 Цар. 1:9 и сл.). Что за Елисея потерпели дети от медведиц, тоже за учителя его потерпели два пятидесятка мужей (царя Охозии) вместе с начальниками их от огня, воспламенившегося свыше. Когда они, с великой насмешкой подоидя (к горе, где сидел Илия), звали праведника и приказывали ему сойти к ним, то, нисшедший вместо него огонь, поглотил всех их, подобно тем зверям. Итак, все вы, враги девства, размыслив об этом, приложите двери и запоры к устам своим, чтобы и вам в день суда, когда вы увидите там блистающих девством, не пришлось говорить, "это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествием и кончину его бесчестною! Как же он причислен к сынам Божиим, и жребий его — со святыми? Итак, мы заблудились от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас" (Премудр. 5:3-6). Но что пользы от этих слов в то время, когда уже покаяние будет бессильно?

23. Может быть, кто-нибудь из вас скажет: неужели с тех пор никто не поносил святых мужей? Поносили многие и повсюду на земле. Почему же, скажет, они не подверглись такому же наказанию? Подвергались, и мы знаем многих из таких; если же некоторые и избегли его, то не избегнут до конца; ибо, по свидетельству блаженного Павла, "грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению.

а некоторых [открываются] впоследствии" (1 Тим. 5:24). Как законодатели оставляют отмеченными в записях наказания преступников, так и Господь наш Иисус Христос, наказав того или другого из грешников и отметив их наказания как бы на медном столпе и в письменах, посредством случившегося с ними, внушает всем, что хотя в настоящее время не наказываются другие, согрешившие одинаково с наказанными, но они в будущее время подвергнутся тягчайшему наказанию.

24. Итак, мы, если, безмерно согрешая, не терпим никакого зла, должны не восхищаться этим, а сильнее бояться. Если мы здесь не подвергнемся суду Божьему, то там со всем миром будем осуждены. Это опять не мой приговор, но Христа, вещающего через Павла. Беседуя о тех, которые недостойно приобщаются Таин, он говорит: "от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром" (1 Кор. 11:30-32). Есть такие люди, которые нуждаются только в здешнем наказании, когда их грехи умеренны, и они, будучи наказаны, уже не возвращаются к прежнему, подобно псу, возвращающемуся к своей блевотине; есть и такие, которые за чрезмерность пороков понесут наказание и здесь и там. а иные, превзошедшие всех своими злодеяниями, там подвергнутся мучению, не удостоившись "подвергаются ударам" вместе с другими людьми. "И с [прочими] людьми", говорится (в Писании), "не подвергаются ударам" (Псал. 72:5), как соблюдаемые на казнь вместе с бесами: "идите от Меня", скажет (Господь), "в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его" (Матф. 25:41). Многие восхитили священство посредством денег, но не имели обличителя и не услышали того, что некогда Симон волхв услышал от Петра (Деян. гл. 8); но через это они не избежали наказания, а подвергнутся гораздо тягчайшему, нежели то, какое они должны бы потерпеть здесь, за то, что не вразумились этим примером. Многие отваживались на дела Корея, и не пострадали, как Корей (Числ. гл. 16); но впоследствии они потерпят большее наказание. Многие, соревновавшие нечестию фараона, не были потоплены в море подобно ему; но их ожидает пучина геенская. И, называвшие братьев своих уродами, еще не подверглись наказанию, потому что для них казнь уготована там. Итак, не думайте, будто определения Божьи суть только слова: для того Он и исполнил некоторые из них самым делом, например, на Сапфире, на Ахаре, на Аароне и многих других, чтобы неверующие словам Его, удостоверившись из дел, перестали, наконец, обольщать себя мыслию, что они не будут наказаны, и убедились, что Богу по благости Его свойственно давать время грешникам (на покаяние), а не вовсе оставлять без наказания пребывающих в грехах. Можно бы и больше сказать в доказательство того, какой огонь уготовляют себе те, которые унижают красоту девства; но для здравомыслящих довольно и этого, неисправимых же и безумствующих и гораздо пространнейшая речь не может удержать от безумия. Посему, оставив эту часть речи, все следующее скажем для здравомыслящих, возвратившись опять к блаженному Павлу. "А о чем вы писали ко мне", говорит он, "то хорошо человеку не касаться женщины" (1 Кор. 7:1). Пусть устыдятся теперь те и другие, и оуждающие брак и превозносящие его не по его достоинству; тем и другим блаженный Павел заграждает уста, как посредством этих, так и следующих затем слов.

25. Брак есть добро, потому что сохраняет мужа в целомудрии и не допускает погибнуть уклоняющемуся в прелюбодеяние. Посему не оуждай брака; он приносит большую пользу, не позволяя членам Христовым сделаться членами блудницы, не попуская святому храму быть оскверненным и нечистым. Он есть добро, потому что укрепляет и исправляет готового пасть. Но на что он тому, кто стоит твердо и не нуждается в его помощи? Здесь он уже не полезен и не необходим, но даже служить препятствием для добродетели, не только тем, что причиняет много неудобств, но и тем, что уменьшает большую часть похвал.

26. Кто облакает в оружие такого человека, который может сражаться и побеждать без оружия, тот не только не приносит ему пользы, но и причиняет крайнюю обиду, лишая его прославления и светлых венцов; потому что не допускает его проявить всю свою силу и трофею его быть самым

блистательным. А при браке бывает еще больший вред; потому что он лишает не только похвалы от народа, но и наград, уготованных девству. Посему "хорошо человеку не касаться женщины". Для чего же ты позволяешь прикасаться? "во избежание блуда", говорит апостол; я боюсь возводить тебя на высоту девства, чтобы ты не ниспал в пропасть прелюбодеяния; у тебя еще не так легки крылья, чтобы я стал поднимать тебя на такую высоту. Но они сами решились бы на эти подвиги и устремились бы к красоте девства; почему же боишься и опасаясь ты, блаженный Павел? Потому, может быть, сказал бы он, что они, не зная этого подвига, показывают такую готовность; а меня самое дело и уже испытанная мною борьба располагает осторожнее советовать это состояние другим.

27. Я знаю трудность этого состояния, знаю силу этих подвигов, знаю тяжесть этой борьбы. Для этого требуется душа ревностная, мужественная, неподчиняющаяся похотям; здесь надобно идти по раскаленным углям и не обжечься (Притч. 6:28), выступать против меча и не быть раненым; ибо сила похоти так велика, как сила огня и железа; и если душа выступит не приготовленной и не будет противиться ее влечениям, то скоро погубит себя. Посему нам нужно иметь алмазный ум, неусыпное зрение, великое терпение, крепкие стены с ограждениями и запорами, бдительных и доблестных стражей, а, прежде всего этого помощь свыше; ибо "если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его" (Псал. 126:1). Как же мы можем приобрести эту помощь? Если мы приложим все со своей стороны, здравые помыслы, великое усердие к посту и бдению, строгое исполнение закона, соблюдение заповедей и, что всего главнее, не будем самонадеянны. Если бы мы успели совершить даже великие подвиги, мы всегда должны говорить самим себе: "если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его" (Псал. 126:1); "потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной" (Ефес. 6:12); день и ночь у нас помыслы должны пребывать вооруженными и быть страшными для постыдных похотей; так как, если они немного ослабеют, дьявол приступит с огнем в руках, чтобы поджечь и испепелить храм Божий. Посему мы должны оградить себя со всех сторон. У нас борьба с потребностью природы, подражание жизни ангелов, соревнование с бесплотными силами; земля и пепел старается сравняться с небожителями, и тление вступает в соперничество с нетлением. Неужели теперь, скажи мне, кто-нибудь дерзнет равнять с таким делом брак и удовольствие? Не весьма ли это безумно? Зная все это, Павел говорил: "каждый имей свою жену" (1 Кор. 7:2). Поэтому он уклонялся, поэтому не решался с самого начала говорить коринфянам о девстве, но продолжал речь о браке, желая мало помалу отвлечь их от брака, и в эту длинную речь вставил краткие слова о воздержании, чтобы слух их не был поражен строгостью этого увещания. Кто составляет всю речь свою всецело из предметов тяжелых, тот бывает несносен для слушателя и часто вынуждает душу, не переносящую тяжести его слов, отвращаться от них; а кто разнообразит речь и составляет ее больше из легких, чем трудных предметов, тот прикрывает тяжесть предмета и, успокоив слушателя, таким образом, успешнее убеждает и привлекает его, как поступил и блаженный Павел. Сказав: "хорошо человеку не касаться женщины", он тотчас перешел к браку: "каждый", говорит, "имей свою жену". (Девство) он только похвалил, сказав: "хорошо человеку не касаться женщины", и остановился; а касательно брака дает совет и заповедь и приводит причину в словах: "во избежание блуда". По-видимому, он доказывает позволительность брака; а на самом деле в словах о браке незаметно превозносит похвалами воздержание, не высказывая этого явно, но предоставляя совести слушателей. Кто поймет, что ему советуется вступить в брак не потому, чтобы брак был верхом добродетели, но потому, что в нем самом Павел осуждает такую похотливость, от которой ему невозможно удержаться без брака, тот, устыдившись и покраснев, тотчас постарается избрать девство и уклониться от такого бесчестия.

28. Что же потом говорит (апостол)? "Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу" (1 Кор. 7:3). Затем, истолковывая и изъясняя то же самое, он присовокупляет: "жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена" (1 Кор.

7:4). И это, по-видимому, он говорит о браке, а на самом деле, как бы прикрыв обычной приманкой крючок, закидывает его в уши учеников, желая самыми словами о браке отвлечь их от брака. Кто услышит, что после брака он не будет господином самого себя, но будет находиться во власти жены, тот тотчас постарается освободиться от этого горчайшего рабства, или лучше, и не начнет подчинения этому игу; так как подчинившемуся однажды необходимо потом раболепствовать до тех пор, пока это угодно будет жене. А что я не по догадке только высказываю мысль Павла, в этом легко убедиться примером учеников (Христовых). И они не прежде признавали брак тягостным и обременительным, как, выслушав Господа, доведшего их до такой же необходимости, до какой и Павел доводил тогда коринфян; ибо то изречение: "кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать" (Матф. 5:32), и это: "муж не властен над своим телом" (1 Кор. 7:4), выражают одну и ту же мысль, только разными словами. Если же кто точнее вникнет в изречение Павла, то (увидит, что) оно еще более увеличивает власть (жены) и делает рабство (мужа) еще более тяжелым. Господь не предоставляет мужу власти изгонять жену из дома; а Павел лишает его власти и над собственным телом, передавая всю власть над ним жене и подчиняя его больше купленного раба. Рабу часто можно бывает получить совершенную свободу, если он будет в состоянии, собрав довольно серебра, внести за себя плату господину; а муж, хотя бы имел жену несноснейшую из всех, обязан переносить рабство и никак не может найти освобождения от него и выхода из этого подчинения.

29. Сказав, что "жена не властна над своим телом", апостол продолжает: "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а [потом] опять будьте вместе" (1 Кор. 7:4.5). Я думаю, что при этих словах многие из посвятивших себя девству краснеют и стыдятся за такую снисходительность Павла; но не смущайтесь и не предавайтесь какому-нибудь непристойному чувству. По-видимому, и эти слова сказаны в угождение вступающим в брак; но если кто тщательно вникнет в них, то найдет в них мысль одинаковую с предыдущими. Если кто станет рассматривать их просто, без отношения к вышеизложенной причине, тому они покажутся скорее словами свахи, нежели апостола; но если он вполне исследует цель их, то найдет и это увещание совершенно соответствующим апостольскому достоинству. Для чего он пространнее излагает свою речь? Разве не довольно было сказать благопристойное увещание предыдущими словами и остановиться на этом? Заключается ли в словах: "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время", что-нибудь больше, чем в словах: "муж оказывай жене должное благорасположение", и: "муж не властен над своим телом"? Ничего больше; а только, что там выражено кратко и неясно, здесь изложено пространнее и яснее. Это делает апостол по подражанию святому Божию Самуилу. Как Самуил со всей точностью излагал простолюдинам законы о царстве не для того, чтобы они приняли их, но чтобы не принимали, и, по-видимому это было наставлением, а на самом деле было некоторым отклонением их от неблагоприятного желания (иметь царя): так и Павел многократно и весьма ясно распространяется о подчинении в браке, желая этими словами отклонить слушателей от брака. Сказав: "жена не властна над своим телом", он продолжает: "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве". Видишь ли, как незаметно и неукоризненно он располагает пребывающих в браке к упражнению в воздержании? Сначала он просто похвалил это дело, сказав: "хорошо человеку не касаться женщины"; а здесь присовокупил и увещание, сказав: "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию". Почему же он то, что хотел установить, предложил в виде увещания, а не в виде повеления? Он не сказал: лишайте себя друг друга, по согласию; а что? - "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию"; потому что через это речь становилась приятнее, выражая мысль учителя, требующую этого не с настойчивостью, от чего и исполнение бывает скорее и с великой признательностью. И не этим только он утешает слушателя, но и тем, что, изложив тягостное краткими словами, еще, прежде чем слушатель опечалился, он переходит к более приятному, и на этом останавливается долее.

30. Заслуживает исследования и следующее: "если брак честен и ложе непорочно" (Евр. 13:4), то почему (апостол) не допускает их во время поста и молитвы? Потому, что весьма странно было бы: если даже иудеи, у которых все имело отпечаток плотской, которым позволялось даже иметь по две жены, одних изгонять, а других брать, так предохраняли себя в этом деле, что, приготавливаясь слушать Слово Божье, воздерживались от законного соития, притом не один день и не два, а несколько дней (Исх. 19), то было бы странно, если бы мы, получившие такую благодать, принявшие Духа, умершие и спогребшиеся Христу, удостоившиеся усыновления, возведенные в такую почесть, после столь многих и столь великих благ, не прилагали усердия одинакового с этими детьми. Если же кто стал бы опять спрашивать, почему сам Моисей отклонял иудеев от брачного общения, я сказал бы, что брак, хотя и честен, но может достигать только того, что не оскверняет живущего в нем, а сообщать еще святость один он не в состоянии, - это уже дело не его силы, но девства. И не Моисей только и Павел возвещали это; послушай, что говорит Иоиль: "назначьте пост и объявите торжественное собрание. Соберите народ, созовите собрание, пригласите старцев" (Иоил. 2:15-16). Но, может быть, ты желаешь знать, где он советовал воздерживаться от жены? "Пусть выйдет", говорит он, "жених из чертога своего и невеста из своей горницы" (Иоил. 2:16). Это даже больше Моисеева повеления. Если жениху и невесте, у которых страсти кипят, юность цветет, похоть бывает неудержима, не следует сообщаться во время поста и молитвы, то не гораздо ли более тем, для которых нет такой необходимости сообщения? Тот, кто молится и постится, как следует, должен отказаться от всякой житейской похоти, от всякой заботы и рассеянности, и вполне сосредоточившись в самом себе во всех отношениях, в таком состоянии приступать к Богу. Потому пост и есть добро, что он устраняет заботы души и, прекращая угнетающую ум дремоту, обращает все помыслы к ней самой. На это и Павел намекает, когда отклоняет от совокупления, и употребляет выражение весьма точное. Он не сказал: да не оскверняетесь, но: "для упражнения в посте и молитве"; так как сообщение с женою ведет не к нечистоте, но к неупражнению (в этих делах).

31. Если теперь, после такой предосторожности, дьявол старается препятствовать нам во время молитвы, то, застигнув душу расслабленной и изнеженной от пристрастия к жене, чего не сделает он, развлекая туда и сюда наши мысленные очи? Чтобы нам не потерпеть этого и не обращаться к Богу с напрасною молитвою, особенно когда мы стараемся приклонить Его на милость к нам, апостол и повелевает удаляться тогда от (брачного) ложа.

32. Если проходящее к царям, - что я говорю - к царям? - даже к низшим начальникам, и рабы, прибегающее к господам, потерпев ли обиду от других, или нуждаясь в каком-нибудь благодеянии, или поспешая укротить возбудившийся против них гнев, приступают к объяснению с этими лицами, устремив на них глаза и все мысли свои, а при малейшей рассеянности не только не достигают желаемого, но и уходят, получив какую-нибудь неприятность; если желающие утишить гнев людей поступают с такой тщательностью, то, что будет с нами, несчастными, если мы будем приступать с небрежностью к Владыке всех Богу, подвергшись притом гораздо большему гневу Его? Ни слуга не станет раздражать господина, ни подданный царя так, как мы ежедневно прогневаем Бога. Объясняя это и Христос назвал грехи по отношению к ближнему динариями, а грехи по отношению к Богу - "десять тысяч талантов" (Матф. 18:23,24). Посему, когда мы в молитвах прибегаем к Нему с намерением утишить такой гнев и умиловать Его, так прогневаемого нами каждый день, (апостол) справедливо отклоняет нас от упомянутого наслаждения и как бы так говорит: "возлюбленные, речь идет у нас о душе, опасность предстоит крайняя; нужно трепетать, страшиться и сокрушаться; мы приступаем к грозному Владыке, многократно оскорбленному нами, имеющему против нас великие обвинения и за великие грехи: теперь не время объятий или наслаждений, но слез и горьких стенаний, коленопреклонений, тщательного исповедания, прилежного сокрушения, многих молитв". Благо будет тому, кто, с таким усердием приступив и припадши к Богу, смягчит гнев Его, не потому, чтобы Господь наш был жесток и непреклонен, - напротив. Он очень кроток и человеколюбив, - но

чрезмерность наших грехов не попускает даже и благому, кроткому и многомилостивому скоро прощать нас. Посему и говорит (апостол): да "для упражнения в посте и молитве". Что же может быть прискорбнее того рабства? Я хотел бы преуспевать в добродетели, возноситься на небо, постоянным упражнением в постах и молитвах омыть нечистоту души; а между тем, если жена не хочет склониться на это мое намерение, я принужден рабски подчиняться ее невоздержанию. Поэтому сначала он и сказал: "хорошо человеку не касаться женщины". Поэтому и ученики говорили Господу: "если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться" (Матф. 19:10). Рассудив, что (в браке) та и другая сторона необходимо терпит стеснение, они, вынужденные этими мыслями, и произнесли такое изречение.

33. Павел потому и обращается многократно к одному и тому же предмету, чтобы внушить коринфянам ту же мысль: "каждый имей свою жену"; - "муж оказывай жене должное благорасположение"; - "жена не властна над своим телом"; - "не уклоняйтесь друг от друга"; - "будьте вместе". И блаженные ученики (Христовы) не тотчас после первого внушения рассудили так, но тогда, когда во второй раз услышали об этом, сознали необходимость такой заповеди. Христос беседовал об этом и в то время, как восседал на горе, и после многих других наставлений опять говорил, возбуждая в них любовь к воздержанию (Матф, 5); потому что одни и те же наставления, чем чаще повторяются, тем больше имеют силы. Так и здесь ученик, подражая Учителю, многократно говорит об одном и том же, а послабления нигде не делает просто, но с приведением причины: "во избежание блуда", говорит, во избежание сатанинских искушений и невоздержания; и, таким образом, в словах о браке незаметно воздает похвалу девству.

34. Если он и за людей живущих в браке опасался, чтобы в случае продолжительного их разлучения дьявол не нашел к ним доступ; то каких венцов будут достойны те, которые с самого начала не имели нужды в таком пособии и до конца остались неуловимыми? Притом же и козни дьявола бывают неодинаковы против тех и других. Первых, по моему мнению, он не слишком беспокоит, зная, что прибежище у них близко, и, если они почувствуют довольно сильное нападение, тотчас могут уйти в пристань; почему и блаженный Павел не позволяет им плыть далее, но советует немедленно возвращаться назад, если они утомятся, позволяя опять "быть вместе". А девственница необходимо должна постоянно пребывать на море и плавать по океану, не имея пристани; и хотя бы поднялась жесточайшая буря, ей нельзя причалить своей ладьи и отдохнуть. Посему, как морские разбойники не нападают на мореплавателей вблизи города, гавани или пристани (ибо это значило бы напрасно подвергать себя опасности), но, застигнув корабль на середине моря и в поощрение своей дерзости пользуясь отсутствием помощи (этому кораблю), там употребляют все усилия, и не прежде отстают, как или потопив плывущих, или сами потерпев то же; так и этот страшный разбойник воздвигает против девственницы великую бурю, жестокий вихрь и невыносимые тревожения, все, переворачивая вверх дном, чтобы с силой и быстротой опрокинуть ладью, ибо он слышал, что девственнице не дозволяется "быть вместе", но ей необходимо весь век бороться, постоянно сражаться с духами злобы, пока она не достигнет тихой пристани (на небе). Поставив девственницу, как доблестного воина, вне стен, Павел не позволяет ей отворять ворота (убежища), хотя бы враг сильно нападал на нее и хотя бы он приходил в большее неистовство от того самого, что его противнику не дозволяется иметь отдых. И не дьявол только, но и сила (естественного) вождения еще более беспокоит не вступающих в брак; и это всякому известно. К тому, чем мы пользуемся, мы не так скоро влечемся пожеланием, так как беспрепятственность (к наслаждению) располагает душу к медленности. В этом удостоверяет нас и пословица, хотя простонародная, но весьма справедливая. "Что всегда во власти нашей, - говорит она, - того не так сильно хочется". Если же мы встречаем препятствия к тому, что прежде было в нашей власти, то бывает противное, и то самое, чем мы пренебрегали вследствие обладания им, делается предметом сильнейшего нашего пожелания. Итак, во-первых, по этой причине - у вступивших в брак больше спокойствия; а, во-вторых, потому, что если

у них когда-нибудь высоко поднимется пламень (страсти), то последующее совокупление скоро погашает его. А девственница, не имея средства погасить этот пламень, хотя видит, что он разгорается и поднимается вверх, и будучи не в силах погасить его, старается только о том, чтобы в борьбе с огнем не сгореть ей самой. Что может быть удивительнее этого - носить целый очаг внутри себя и не сгорать, питать пламень в тайниках души и сохранять ум неприкосновенным? Ей не позволено выбросить вон эти горящие угли, и она принуждена переносить в душе то, чего, по словам писателя Притчей, невозможно вытерпеть телесной природе. Что же он говорит? "может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих" (Притч. 6:28)? Но вот она ходит и переносит пытку. "Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его" (Притч. 6:27)? А она, нося яростный и бурный пламень не в одеждах, но внутри себя, должна сдерживать и скрывать его. Кто же дерзнет, скажи мне, равнять брак с девством или взирать с пренебрежением на это последнее? Этого не допускает блаженный Павел, показав великое различие между тем и другим: "незамужняя", говорит он, "заботится о Господнем, а замужняя заботится о мирском" (1 Кор. 7:34). Дозволив брачным "быть вместе", и этим доставив им удовольствие, послушай, как он далее не одобряет их. "Вместе" говорит, "будьте, чтобы не искушал вас сатана". Желая показать, что не все зависит здесь от сатанинского искушения, но еще больше от нашей испорченности, он привел главнейшую причину, сказав: "невоздержанием вашим" (1 Кор. 7:5). Кто не устыдится, слыша это? Кто не постарается избежать упрека в невоздержании? Это увещание относится не ко всем, а к весьма похотливым. Если, говорит он, ты такой раб наслаждений, если ты так расслаблен, что беспрестанно распяляешься и стремишься к совокуплению, то сообщайся с женою. Таким образом, это дозволение есть не одобрение или похвала, но посмеяние и осуждение. Если бы он хотел не очень сильно касаться души сластолюбцев, то не употребил бы слова "невоздержание", весьма выразительного и содержащего великий упрек. Почему он не сказал: немощию вашею? Потому, что это больше означало бы извинение с его стороны, а словом "невоздержание" он выразил чрезмерность их беспечности. Итак, невоздержанию свойственно - не иметь силы для удаления от прелюбодеяния, если кто не будет постоянно иметь подле себя жену и наслаждаться совокуплением. Что же скажут теперь те, которые считают девство излишним? Оно чем строже соблюдается, тем больше заслуживает похвалы; а брак тогда особенно и лишается всякой похвалы, когда кто-нибудь пользуется им до пресыщения. "Это", говорит (апостол), "сказано как позволение (по снисхождению), а не как повеление" (1 Кор. 7:6); а где снисхождение, там не может быть места похвале. И беседуя "о девах", Павел сказал: "я не имею повеления Господня" (1 Кор. 7:25); так не сравнял ли он то и другое? Нет: о девстве он дает свое мнение, а здесь - снисхождение. Не повелевает он ни того, ни другого, не по одной и той же причине; но там потому, чтобы кто-нибудь, желая преодолеть невоздержание, не встретил препятствия к тому в обязательном повелении, а здесь потому, чтобы кто-нибудь, не имеющий сил достигнуть девства, не был осужден, как преступивший повеление. Я не повелеваю, говорит он, оставаться в девстве, потому что боюсь трудности этого дела; не повелеваю и беспрестанно сообщаться с женою, потому что не хочу быть законодателем невоздержания. Я сказал: "вместе" - удерживая от ниспадения ниже, но, не препятствуя усердному восхождению выше. Итак, не он преимущественно желает, чтобы (брачные) постоянно общались с женою, но так установлено невоздержанием людей беспечнейших. Если ты хочешь узнать собственное желание Павла, то послушай, каково оно: "желаю", говорит он, "чтобы все люди были, как и я" (1 Кор. 7:7), т. е. в воздержании. Итак, ты, (апостол), желаешь, чтобы все соблюдали воздержание, желаешь, чтобы никто не был в браке? - Так, но, впрочем, этим я не препятствую желающим (вступать в брак) и не обвиняю их, но молюсь и желаю, "чтобы все люди были, как и я", а брак я позволяю - "во избежание блуда"; посему и в начале я сказал: "хорошо человеку не касаться женщины", потому что этого я более желаю.

35. А для чего он здесь упоминает о самом себе в словах: "желаю, чтобы все люди были, как и я"? Если бы этого не было прибавлено, то он избежал бы речи о самом себе. Для чего же он

присовокупил: "как и я"? Не для того, чтобы превозносить самого себя; он, хотя превзошел (других) апостолов в трудах проповеди, но считал себя недостойным даже апостольского наименования. "Я наименьший из Апостолов", говорит он; и, как будто сказал что-нибудь превышающее его достоинство, тотчас поправляется и прибавляет: "и не достоин называться Апостолом" (1 Кор. 15:9). Зачем же здесь при увещании он выставляет себя? Не просто и не напрасно, но он знал, что ученики тогда особенно одушевляются ревностью к добру, когда имеют примеры учителей. Как тот, кто любознательствует только на словах, без дел, не приносит великой пользы слушателю, так напротив тот, кто может предложить совет, наперед исполненный им самим, этим больше всего увлекает слушателя. Притом он представляет себя чистым и от зависти и от гордости; ибо желает, чтобы такая превосходная добродетель была общей у учеников, не домогаясь иметь что-нибудь больше их, но во всем уравнивая их с самим собою. Могу привести и третью причину. Какую же? - (Пребывание в девстве) казалось трудным и неудобным для многих; посему, желая представить его весьма легким, апостол выставляет на вид успешного в этом, чтобы они не считали его очень тягостным, но, взирая на путеводителя, и сами смело вступали на тот же путь. Тоже делает он и в другом месте. Беседуя с галатами и стараясь освободить их от страха перед законом, под влиянием которого они привязывались к древнему обычаю и соблюдали многое относящееся к нему, что говорит он? "будьте, как я, потому что и я, как вы" (Гал. 4:12). Это изречение означает следующее; вы не можете, говорит он, сказать мне: ты потому безопасно любознательствуешь с нами обо всем этом, что ныне обратился из язычников, и не знаешь страха, происходящего от преступления закона; нет, говорит он, и я подобно вам находился некогда в этом рабстве, был под велениями закона, хранил и соблюдал заповеди; но когда явилась благодать, то я всецело перешел от закона к ней (Гал. 1:13); и нет преступления в том, что мы перешли к "мужу другому" (Иерем. 3:1); посему, никто не может сказать, что я делаю одно, а советую другое, или что я, заботясь о собственной безопасности, вверг вас в опасность; если бы это дело было опасно, то я не предал бы самого себя, и не пренебрег бы собственным спасением. Таким образом, как здесь, поставив себя в пример, он освободил (галатов) от страха, так и там, выставляя себя на вид, он устраняет беспокойство коринфян.

36. "Но каждый", говорит он, "имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе" (1 Кор. 7:7). Смотри, как отличительный признак его апостольского смиренномудрия нигде не скрывается, но повсюду ясно выражается: свою заслугу он называет дарованием Божиим, и на что он употребил много трудов, то всецело приписывает Господу. И что удивительного, если он так поступает, говоря о воздержании, когда он таким же образом рассуждает и о проповеди, для которой понес бесчисленные труды, беспрестанные скорби, невыразимые бедствия, ежедневные смерти? Что же говорит он об этом? "Я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною" (1 Кор. 15:10); не говорит, что одно принадлежит ему, а другое Богу; но все (приписывает) Богу. Так признательному рабу свойственно не считать ничего собственным, но все господским, ничего не присваивать себе, но все господину. То же он делает и в другом месте. Сказав: "по данной нам благодати, имеем различные дарования" (Римл. 12:6), далее он исчислил начальственные должности, милостыни и подаяния, бывшие между римлянами; а что все это заслуги, а не дарования, это ясно для всякого. Я сказал об этом для того, чтобы ты, услышав слова его: "каждый имеет свое дарование", не пал духом и не сказал в самом себе: "девство не зависит от моего усердия; Павел назвал его дарованием". Он говорит это по смирению, а не потому, чтобы хотел поставить воздержание в числе дарований. Таким образом, он не противоречит ни самому себе, ни Христу; не противоречит Христу, который сказал: "есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного" (Матф. 19:12), и присовокупил: "кто может вместить, да вместит"; не противоречит и самому себе, так как он осуждает тех, которые, избрав вдовство, не хотели устоять в своем намерении; иначе, если это дар, для чего он угрожает (вдовицам) в словах: "подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру" (1 Тим. 5:12)? Христос никогда не осуждал на наказание тех, которые не имеют дарований, но всегда тех, которые не оказывают

праведной жизни. Для него особенно желательны отличная жизнь и безукоризненные дела; а разделение дарований зависит не от воли получающего, но от воли дающего. Посему Христос нигде не восхваляет творящих чудеса, и учеников, восхищавшихся этим, отклоняет от такой радости: "не радуйтесь", говорит Он, "что духи вам повинуются" (Лук. 10:20); а везде Им убажуются милостивые, смиренные, кроткие, чистые сердцем, миротворцы, совершающие все это и тому подобное. И сам Павел, перечисляя свои заслуги, упомянул между ними и о воздержании. Сказав: "в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви" он присовокупил: "в чистоте" (2 Кор. 6:4-6). Он не поступил бы так, если бы эта чистота была дарованием. И почему он упрекает тех, которые не имеют ее, называя их невоздержными? Почему (по словам его) "не выдающий поступает лучше" (1 Кор. 7:38)? Почему "блаженнее" вдова, "если останется так" (1 Кор. 7:40)? Потому что, как я выше сказал, убажуются не за чудеса, а за дела, равно как и наказываются. И почему он неоднократно повторяет увещание к одному и тому же, если это дело не зависит от нас, и после благодати Божьей не требует нашего усердия? Сказав: "желаю, чтобы все люди были, как и я", т. е. в воздержании, он говорит еще: "безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я" (1 Кор. 7:7,8), Опять приводит (в пример) самого себя по той же причине, чтобы, имея пример вблизи и у себя, (коринфяне) скорее решились на подвиги девства. А что он и выше при словах: "желаю, чтобы все люди были, как и я", и здесь: "хорошо им оставаться, как я", нигде не приводит причины, не удивляйся этому; он поступает так не по тщеславию, но считая достаточною причиною свое мнение, оправданное им на деле.

37. Если же кто хочет слышать суждения и об этом (браке овдовевших), то пусть сначала примет во внимание мнение о том всех людей, и потом все, что бывает сопряжено с этим делом. Хотя законодатели не наказывают за такие браки, даже дозволяют и извиняют их, но многие и в домах, и на площади много говорят о брачных делах с насмешками, укоризнами и отвращением. Все уклоняются от таких людей не менее, как от клятвопреступников, так сказать, не смея ни вступать с ними в дружбу, ни заключать с ними договоров, ни доверять им в чем-нибудь другом. Кто увидит, что они так легко изгладил из своей души такую привычку и дружбу, и сожительство, и общение, у того делается от этих мыслей некоторое оцепенение и он уже не может со всей искренностью приближаться к ним, как к людям легкомысленным и переменчивым. И не по этому только отвращаются от них, но и по самой неприятности того, что происходит у них. Что может быть, скажи мне, несноснее того, как после великого плача, воплей и слез, растрепанных волос и черной одежды вдруг видеть рукоплескания и брачные чертоги и смятение, все в противоположность предшествовавшему, как будто бы актеры на сцене разыгрывали то одну роль, то другую? Как там ты можешь видеть одного и того же то царем, то последним бедняком, так и здесь тот, кто недавно простирался подле могилы, вдруг делается женихом, кто растрепывал свои волосы, снова носит на той же голове венец, кто с поникшим и печальным взором, а часто и со слезами высказывал утешавшим его много похвал отошедшей (жене), и говорил: что ему жизнь не жизнь, и негодовал на удерживавших его от сетования, тот и часто перед теми же самыми лицами снова украшается и наряжается, и, как прежде, со слезами на глазах, так теперь с улыбкой смотрит на тех же самых людей и дружелюбно приветствует всех теми же устами, которыми прежде проклинал все подобные радости. А что всего прискорбнее, с этим вместе вносятся раздоры между детьми; подле дочерей появляется львица: ибо такова обыкновенно бывает мачеха. Отсюда ежедневные пререкания и ссоры, отсюда странная и ни с чем несообразная неприязнь к той, которая уже никого не беспокоит. Обыкновенно, живые преследуют и преследуются завистью, а с умершими и враги примиряются: но не так бывает здесь: прах и пепел становится предметом неприязни, невыразимая ненависть направляется против погребенной, злословия, порицания и клеветы на разложившуюся в земле, непримиримая вражда к не причиняющей никому никакого огорчения. Что может быть хуже такого неразумия, такой жестокости? Нисколько не обиженная умершею - что я

говоря - не обиженная? - пользующаяся ее трудами и наслаждающаяся ее добром, не перестает сражаться с ее тенью, и не причинившую никакого огорчения, а часто и не виданную никогда, ежедневно осыпает множеством порицаний, мстит несуществующей через детей ее, а часто вооружает против них и мужа, если сама не имеет успеха. И, однако, все это людям представляется легким и сносным, чтобы только им не было нужды переносить влечение похоти. А девственница не страшится этого противоборства, не избегает этой борьбы, кажущейся для многих столь невыносимой, но доблестно становится и вступает в борьбу с природой. Можно ли надивиться ей по ее достоинству, когда другие нуждаются даже во втором браке, чтобы не воспламениться, а она, не испытав ни одного, всегда остается святой и невредимой? Поэтому и прежде всего, в виду уготованных вдовству наград на небесах, (апостол), имея в себе говорящего Христа, сказал: "хорошо им оставаться, как я". Ты не могла взойти на самую высшую степень (совершенства)? По крайней мере, не ниспади с той, которая следует после нее; пусть девственница имеет перед тобой только то преимущество, что похоть ни разу не преодолела ее, а тебя, прежде преодолев, не могла навсегда удержать в своей власти; и ты после поражения победила, а та имеет победу, чистую от всякого поражения; соприкасаясь с тобою в конце, она превосходит тебя только по началу.

38. Итак, вступившим в брак (апостол) преподает много утешений, так как и не лишает их друг друга без взаимного их согласия, и это лишение по согласию не простирает на долгое время, и еще позволяет им второй брак, если пожелают, чтобы не воспламениться. А девствующим он не преподавал никакого подобного утешения; но первых после такого воздержания опять освобождает от него, а девственницу, без малейшего облегчения, оставляет во всю жизнь сражаться, стоять неуклонно и смущаться вожделениями, и не дает ей ни малейшего отдыха. Почему и ей он не сказал: "но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак" (1 Кор. 7:9)? Потому, что и борцу, когда он уже снял одежду, намастился, вышел на поприще и покрылся пылью, никто не сказал бы: "встань и убег от противника"; но необходимо уже каждому из них выйти или увенчанным или падшим и посрамленным. В детской игре и в гимнастической школе, где упражняются с близкими людьми и борются с друзьями, как бы с врагами, всякий сам властен и подвизаться и не подвизаться; но когда кто уже обязался, и театр собрался, и распорядитель состязаний явился, и зрители уселись, и соперник выведен и противопоставлен, тогда закон состязаний отнимает у борца власть. Так и дева, пока она еще не решила, вступать ли ей в брак или не вступать, брак дозволяется беспрепятственно, но когда она избрала и обрекла себя (на девство), то она уже вывела себя на поприще. Кто же осмелится в то время, как зрелище открыто, когда свыше взирают ангелы и подвигоположник Христос, когда дьявол неистовствует и скрежещет, стоит на виду и устремляется на борьбу, выступить на средину и сказать: "беги от врага, оставь труды, удержишься от столкновения, не повергай и не преодолевай соперника, но уступи ему победу?" Что я говорю о девах? Даже и вдовицам никто не осмелился бы сказать такие слова, а вместо них сказал бы следующие, страшные: "впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру" (Тим. 5:11-12).

39. Между тем сам (апостол) говорит: "безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я; но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак", и еще: "если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе" (1 Кор. 7:8,9,39); почему же ту, которой дает свободу, он опять подвергает наказанию, и тот брак, о котором говорит, что он бывает "в Господе", осуждает, как дело незаконное? Не смущайся; это не тот же самый брак, а другой. Как в словах: "если девица выйдет замуж, не согрешит" (1 Кор. 7:28), он рассуждает не о той деве, которая отреклась от брака, - очевидно для всякого, что такая дева через это согрешила бы и грехом тяжким, - но о той, которая еще не испытала брака и еще не решила ни на то, ни на другое, а находится в колебании между этими двумя помыслами; так и там он говорит о вдовице, просто не имеющей мужа и еще не связавшей себя решением собственной воли, но свободной избрать и то и другое; там же и о той, которая уже не

властна опять сообщаться с другим женихом, а приступила к подвигам воздержания; ибо можно быть вдовой, и не быть в ряду имеющих достоинство вдовиц, если она еще не получила его. Посему он и говорит: "вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа" (1 Тим. 5:9). Простой вдове он позволяет вступить в брак, если она пожелает; а давшую Богу обет всегдашнего вдовства, и потом вступившую в брак он сильно осуждает за то, что она попрала завет с Богом. Таким образом, к первым, а не к последним он говорит: "если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться" (1 Кор. 7:9). Видишь ли, что брак сам по себе нигде им не прославляется, но (дозволяется) во избежание прелюбодеяния, искушений, невоздержания? Все это он говорит выше, а здесь, произнесши против них сильные укоризны, он снова говорит о том же в более благосклонных выражениях, называя их состояние разжиганием и распалением. Однако и здесь он не оставил слушателя без укоризны. Не сказал: "если чувствуют какой-либо порыв страсти, если вынуждаются, если не могут (воздержаться)", и ничего такого, что свойственно страдающим и достойно снисхождения, но что? "если не [могут] воздержаться", что свойственно не желающим действовать по беспечности. Он показывает, что того дела, которое находится в их власти, они не исполняют потому, что не хотят трудиться. Впрочем, и при этом он не наказывает их и не осуждает на мучение, но, только лишив похвал, ограничивает свое неудовольствие словесными укоризнами, нигде не упоминая о деторождении, этой благовидной и честной причине брака, а только о разжигании, невоздержании, прелюбодеянии и сатанинском искушении, и, во избежание этого, позволяя брак. Что же, скажут, если он избавит нас от наказания, мы благодушно перенесем всякое осуждение и всякие укоризны, только было бы дозволено наслаждаться и постоянно удовлетворять похоть. А что, почтеннейший, если не дозволено наслаждаться, и мы пожнем только укоризну? Как, скажешь, разве не дозволяется наслаждаться, когда Павел говорит: "если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак"? Но выслушай, что следует за этим. Ты узнал, что лучше вступать в брак, нежели разжигаться, ты принимаешь приятное, одобряешь дозволение, удивляешься снисхождению апостола; но не останавливайся на этом, а прими и последующее: то и другое повеление принадлежит одному и тому же (апостолю). Что же он говорит после того? "А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, - если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, - и мужу не оставлять жены [своей]" (1 Кор. 7:10,11).

40. А что, если муж будет кроток, жена же своенравна, злоречива, болтлива, расточительна, - это общий всех их недуг, - и преисполнена многих других дурных качеств? Как он, несчастный, будет переносить такую каждодневную неприятность, гордость, бесстыдство? Что, если, наоборот, она будет скромна и тиха, а он дерзок, подозрителен, гневлив, весьма надменен богатством или властью, будет обращаться с ней свободной как с рабой, и будет расположен к ней нисколько не лучше, как и к служанкам? Как она перенесет такое унижение и притеснение? Что, если он постоянно отворачивается от нее и делает это непрестанно? Терпи, говорит (апостол), все это рабство: ибо только тогда ты будешь свободна, когда он умрет; а при жизни его необходимо одно из двух, - или весьма тщательно вразумлять его и исправлять или, если это невозможно, мужественно переносить непрестанную и непримиримую вражду. Выше он говорил "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию"; а здесь разлучившейся повелевает воздерживаться, хотя уже по неволе: "должна оставаться", говорит, "безбрачною, или примириться с мужем своим". Видишь, как она находится между двух бед? Она должна или терпеть насилие от похоти, или, если этого не хочет, угождать своему обидчику и быть готовой на все, чего бы он ни захотел, наносить ли побои, или осыпать злословиями, или подвергать презрению слуг, и прочее тому подобное; так как мужьями придумано много средств, когда они захотят наказать своих жен. Если же она не потерпит этого, то должна пребывать в бесплодном воздержании; бесплодном, говорю, потому что к нему не относится данное обетование, так как оно происходит не от стремления к святости, а от гнева на мужа. "Должна оставаться", говорит,

"безбрачною, или примириться с мужем своим". А что, скажешь, если он не захочет помириться? У тебя есть другая возможность избавиться и освободиться. Какая же? Ожидай его смерти. Как девственнице никогда не позволительно вступать в брак, потому что Жених ее всегда жив и бессмертен, так и вступившей в брак тогда только можно (получить свободу), когда умрет ее муж. Если бы и при жизни его можно было ей переходить от него к другому, и от этого опять к иному; то для чего и браки, когда мужа стали бы безразлично пользоваться женами друг друга и все просто смешивались бы со всеми? Не исчезло ли бы и взаимное расположение, если бы сегодня один, завтра другой, а потом третий стал жить с женой кого-либо из сожителей? Справедливо Господь назвал это прелюбодеянием.

41. Для чего же Он позволил это иудеям? Для того, чтобы они не враждовали друг с другом, чтобы родственной кровью не наполняли своих жилищ. Что лучше было, скажи мне, для сделавшейся ненавистною - быть ли изгнанною вон, или быть убитою внутри дома? А последнее они сделали бы, если бы им не дозволено было изгонять. Посему (Господь) и говорит: "возненавидит ее и отпустит ее из дома своего" (Втор. 24:1-3). Когда же Он беседует с кроткими и такими, которым не позволяет даже гневаться, то говорит: "если же разведется, то должна оставаться безбрачною" (1 Кор. 7:11). Видишь ли стеснение, неизбежное рабство, связывающие обоих узы? Поистине брак есть узы, не только по причине множества забот и ежедневных неудовольствий, но и потому, что подчиняет супругов друг другу хуже всякого раба. "Будет господствовать", говорит (Господь), муж женою (Быт. 3:16). А какая польза от этого обладания? Оно также и его делает рабом обладаемой, составляя некоторое новое и необыкновенное воздаяние посредством рабства; как ноги беглецов, быв связаны и сами по себе, и еще привязаны одни к другим какой-нибудь небольшой цепью, прикрепленной обоими концами к оковам, не могут ступать свободно, потому что каждый из них принужден следовать за другим; так и души супругов, имея и свои особые заботы, имеют и другое стеснение, происходящее от союза друг с другом, сдерживающее их хуже всякой цепи и отнимающее свободу у обоих тем, что не предоставляет начальство кому-нибудь одному из них, но разделяет власть между обоими. Итак, где те, которые за наслаждение удовольствием готовы переносить всякое осуждение? Не малая часть удовольствия сокращается от взаимных огорчений и распрей, часто продолжающихся в течение долгого времени. И самое рабство, заставляющее одного невольно переносить своенравность другого, в состоянии помрачить всякое наслаждение. Посему и блаженный (Павел) сначала укоризненными словами удерживал стремление к сладострастию: "во избежание блуда", для избежания невоздержания и разжжения; но, зная, что эти слова осуждения для многих малозначительны, потом для обуздания их прибавляет более сильные выражения. Посему и ученики (Христовы) нашли нужным сказать: "лучше не жениться" (Матф. 19:10), в виду того, что ни который из супругов не властен над самим собою. И это предлагается уже не как увещание или совет, но как обязательное повеление и заповедь. Только вступать, или не вступать в брак зависит от нас; а то, что последует за браком, уже не в нашей власти, но волею или неволею нужно переносить рабство. Почему? Потому, что мы не по неведению избираем это подчинение, но, очень хорошо зная его права и законы, добровольно подвергаем себя этому игу. Затем, сказавши о живущих с неверными женами, изложив подробно все законы о браке, вставив речь и о рабах и достаточно утешив их тем, что этим рабством не унижается их духовное благородство, он переходит, наконец, к словам о девстве, которые и прежде соблюдал в себе и старался посеять, а теперь открыл, хотя, не утерпев, не умолчал об этом и в словах о браке; ибо кратко и в разных местах он поместил слова (о девстве) и в этом последнем увещании, и таким прекрасным способом приготовив наш слух и предрасположив ум, сделал превосходное введение к речи (о девстве). После увещания рабам, - "ценою", говорит он, "куплены; не делайтесь рабами человеков" (1 Кор. 7:23), - напомнив о благодеянии нам Господа, и этим воскресив и вознесши на небо умы всех, он потом и излагает учение о девстве, выражаясь такими словами: "относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть [Ему] верным" (1 Кор. 7:25). Хотя он также не имел

повеления относительно верных, сопрягающихся с неверными, однако о них с великой властью дает закон и пишет так: "прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее" (1 Кор. 7:12). Почему же и относительно дев ты не объявляешь того же? Потому что Христос относительно этого дал ясное постановление, запрещая вводить девство, как обязательную заповедь; ибо слова Его: "кто может вместить, да вместит" предоставляют слушателю власть выбора. Беседуя о воздержании, апостол говорит: "желаю, чтобы все люди были, как и я", в воздержании; и еще: "безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я" (1 Кор. 7:7-8); говоря же о девстве, он нигде не упоминает о самом себе. Потому он и говорит весьма скромно и с великой осторожностью, что сам не совершал этого подвига. "Повеления", говорит он, "я не имею". Сперва, предоставив выбор и хорошо настроив слушателя, он потом и преподает совет. Так как самое название девства тотчас указывает на великий подвиг, то он не тотчас переходит к этому увещанию, но, привлеки к себе ученика сначала посредством выбора и приготовив душу его к послушанию и покорности, он потом уже делает предложение. Ты слышал, что девство есть название многих трудов и подвигов, но не бойся: оно не есть повеление и не вводится как обязательная заповедь, но тем, которые принимают его на себя добровольно и по избранию, оно воздаёт собственными благами, возлагая на голову их блестящий и доброцветный венец; тех же, которые отказываются и не желают принять его, оно не наказывает и не принуждает к тому против воли. И не только этим он сделал слово свое необременительным и приятным, но и указанием на то, что благодать этого подвига дается не от него, но от Христа. Он не сказал о девах; я не повелеваю, но: "я не имею повеления"; и как бы так говорил: если бы я предлагал такое увещание, руководясь человеческими рассуждениями, то не следовало бы решаться на это; но так как это угодно Богу, то залог безопасности надежен; я же лишен власти давать подобные повеления; но если вы хотите выслушать меня, как равного вам раба, то "даю совет, как получивший от Господа милость быть [Ему] верным" (1 Кор. 7:25). Здесь достойно удивления великое искусство и благоразумие блаженного (Павла), как он, находясь среди двух необходимостей и противоположностей, - представить собственную личность, для того, чтобы совет стал удобоприемлемым и не сказать о себе ничего лишнего, - так как сам он не имел этой добродетели, - в кратких словах достиг того и другого; ибо словами: "получивший милость" он как бы выставляет самого себя, а тем, что не выставляет себя с более блистательной стороны, унижает и смиряет себя.

42. Он не сказал: даю совет, как человек, которому вверено благовестие, как удостоенный быть проповедником язычников, как такой, кому вручено начальство над вами, как учитель и руководитель; но как? – "получивший милость", говорит он, утверждая меньшее; ибо "быть" только "верным" менее, нежели быть учителем верных. Он даже прибавляет еще другое унижение. Какое? Не говорит: как сделавшийся верным; но "получивший милость быть верным". Не думайте, что только апостольство, проповедничество и учительство суть дары Божьи, но даже самая вера произошла у меня по Его милости. Не потому, что я был достоин, я удостоился веры, говорит он, но только потому, что я был помилован; а милость - по благодати, а не по заслуге: так что если бы Бог не был в высшей степени милосердным, то я никогда не мог бы сделаться не только апостолом, но и верным. Видишь ли признательность и сокрушенное сердце раба, который не приписывает себе никакого преимущества перед прочими, но даже о том, что было общим у него с учениками, о вере, говорит, что она не его, а дар милости и благодати Божьей, выражая этими словами как бы следующее: не считайте недостойным принять от меня совет, ибо и Бог не признал меня недостойным Своей милости; впрочем, это только совет, а не повеление; я советую, а не узакониваю; никакой закон не запрещает представлять и предлагать что-нибудь полезное для каждого, в особенности, если это делается по просьбе слушателей, как например, теперь по вашей; "признаю", говорит, "за лучшее" (1 Кор. 7:26). Видишь, какая скромная и чуждая всякой власти речь. Можно было бы сказать так: если Господь не заповедал девства, то и я (не заповедаю), но советую и увещаю вас стремиться к этому, ибо я ваш

апостол; - подобно тому, как он сказал им дальше: "если для других я не Апостол, то для вас [Апостол]" (1 Кор. 9:2). Здесь же не говорит он ничего такого, но употребляет слова с большой скромностью, вместо: советую – "совет даю", вместо: как учитель, - "как получивший от Господа милость быть [Ему] верным"; и как-будто этого было недостаточно, чтобы сделать речь смиренной, он, начав с совета, снова умаляет власть, не просто предлагая его, но и приводя причину: "ибо", говорит, "по настоящей нужде за лучшее признаю" (1 Кор. 7:26). Когда он говорил о воздержании, то не сказал: "думаю", и не привел никакой причины, а просто сказал: "чтобы все люди были, как и я"; здесь же: "за лучшее признаю". Это он делает не потому, чтобы сомневался относительно этого предмета, - нет, - но потому, что желает все предоставить суду слушателей; ибо советник не тот, кто решает своими словами, но тот, кто все предоставляет суду слушателей.

43. О какой же нужде он говорит здесь? О естественной ли? Нет; потому что, во-первых, если бы он говорил об этой нужде, то, упомянув о ней, он сделал бы противное тому, чего хотел; ибо желающие вступить в брак непрестанно ссылаются на нее; во-вторых, он не назвал бы ее "настоящею": она не теперь только, но издревле прирождена роду человеческому, и была прежде более тяжелой и необузданной, но по пришествии Христа и с преуспеванием добродетели сделалась удобопреодолеваемой. Итак, не о ней он говорит, но подразумевает другую (нужду) разнообразную и разнородную. Какая же это? Извращение дел житейских. Наступает такое смятение, такая тяжесть забот, такое множество обстоятельств (в жизни), что вступившие в брак против воли весьма часто принуждены грешить и заблуждаться.

44. Сначала была предложена не такая степень добродетели, но было позволено и отмщать обидевшему, и отвечать порицанием порицающему, и заботиться о богатстве, и давать неложную клятву, и выкалывать око за око, и ненавидеть врага, и не запрещалось ни наслаждаться, ни гневаться, ни разводиться с женой и жениться на другой. Мало этого, закон позволял даже иметь двух жен в одно время, и вообще было большое снисхождение в этом и во всем другом. Но, после пришествия Христова, путь сделался гораздо теснее не только потому, что от нашей власти была отнята эта невыразимая и великая свобода во всем вышесказанном, но и потому, что даже такую жену, которая часто уговаривает и принуждает нас против воли во многих грехах, нужно иметь всегда при себе, а разводиться желающий может тогда, когда она будет обличена в прелюбодеянии. И не только поэтому добродетель трудно исполнима для нас, но и потому, что, если живущая с нами имеет сносный характер, множество забот о ней и о детях не позволяет нам даже на малое время взглянуть на небо, производя как бы постоянное головокружение, возмущающее и потопляющее нашу душу. Смотри: муж желает вести частную, безопасную и спокойную жизнь; но, видя, что окружающие его дети и жена требуют многих издержек, он против воли бросается в омут общественных дел. Как только он попадает в него, то нельзя сказать, сколько представится ему поводов грешить: гневаться, клясться, браниться, мстить, притворяться, многое делать из лести, многое - из ненависти. Как же можно вращающемуся в таком омуте и желающему отличиться в нем не запятнать себя грязью многих грехов? Если кто обратит внимание и на домашние дела, то найдет такие же и еще большие затруднения от жены; здесь нужно заботиться о многом, в чем муж сам по себе не нуждается: это в том случае, когда жена скромна и тиха; если же она своенравна, упряма и невыносима, то это мы назовем уже не только затруднением, но наказанием и мучением. Как же будет в состоянии идти путем к небу, требующим ног свободных и легких и души бодрой и благоукрашенной, тот, кто имеет столь тяжелое бремя, связан такими узами и постоянно влечется вниз этой цепью, т. е. злобой жены?

45. Но какое (может быть) благовидное возражение многих, когда мы изложили все это? Следовательно, скажут, будет удостоен большей чести тот, кто будет добродетелен при таких затруднениях. Какой, почтеннейший, и за что? За то, скажешь, что он в браке подвергается большему бременю. Но кто принуждал его принимать на себя такую тяжесть? Если бы он вступил в брак во

исполнение заповеди и невступление в брак было нарушением закона, то это возражение было бы благовидно; если же он, имея власть не подвергаться игу брака, добровольно, без всякого принуждения, пожелал навлечь на себя такие затруднения, что подвиг добродетели стал для него весьма тягостным, то, это нисколько не касается Подвигоположника; ибо Он заповедал успевать только в одном, в борьбе с дьяволом, и достигать победы над злом; а успевает ли кто в этом женясь, наслаждаясь и имея много забот, или подвизаясь и бедствуя и ни о чем другом не заботясь, Ему до этого нет дела. Он говорит, что способ победы и путь, ведущий к победе, должен быть свободным от всего житейского; если же ты хочешь воинствовать и бороться, имея жену, детей и все связанные с этим дела, надеясь иметь успех одинаковый с теми, которые не связаны ничем подобным, и через это удостоиться большего удивления, то мы, - хотя бы ты упрекнул нас в большой гордости, - теперь сказали бы тебе, что тебе невозможно достигнуть высоты, одинаковой с теми; а конец и время раздачи венцов хорошо убедят тебя тогда, что безопасность гораздо лучше пустого честолюбия, и лучше повиноваться Христу, нежели суете собственных суждений. Христос говорит, что для добродетели недостаточно нам отказаться от всей собственности, если мы и себя самих не возненавидим; а ты говоришь, что можешь одержать победу, привязавшись ко всему этому. Но, как я сказал, тогда ты хорошо узнаешь, каким препятствием для добродетели бывает жена и заботы о жене.

46. Почему же, скажут, служащую препятствием Бог назвал помощницей (мужа)? "Сотворим ему", говорит Он, "помощника, соответственного ему" (Быт. 2:18). Но и я тебя спрошу: какая же помощница та, которая лишила мужа такого благополучия, извергла его из дивного пребывания в раю и ввергла в смятение настоящей жизни? Это свойственно не помощнику, а только злоумышленнику. "От жены", говорится (в Писании), "начало греха, и через нее мы все умираем" (Сирах. 25:27); и блаженный Павел говорит: "и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление" (1 Тим. 2:14). Какая же помощница та, которая подвергла мужа смерти? Какая помощница та, через которую сыны Божьи, или лучше все тогдашние обитатели земли, вместе со зверями, птицами и всеми прочими живыми существами погибли в потопе? Разве не она намеревалась погубить праведного Иова, если бы он не был крепким мужем (Иов. 2)? Разве не она погубила Сампсона (Суд. 16)? Разве не она устроила, чтобы весь народ еврейский служил Ваал-Фегору и был поражен руками своих братьев (Чис. 25)? Кто в особенности предал дьяволу Ахава (3 Цар. 21:25), а еще раньше - Соломона со всей его мудростью и славой (XI. 4)? И доселе часто (жены) не склоняют ли своих мужей к оскорблению Бога? Не поэтому ли мудрый муж говорит: "Всякая злость мала в сравнении со злостью жены" (Сирах. 25:21). Но почему же, скажут, Бог изрек: "сотворим ему помощника, соответственного ему"? Слово Бога, конечно, не ложно. И я не скажу этого, - нет, - она создана для этого и поэтому, но не пожелала остаться при собственном достоинстве, равно как и муж ее. Бог сотворил его по образу и по подобию Своему; "сотворим", говорит Он, "человека по образу Нашему по подобию Нашему" (Быт. 1:26), так же, как сказал: "сотворим ему помощника"; но по сотворении человек вскоре погубил и то и другое. Он не сохранил "подобия" (ибо, как мог сохранить, предавшись постыдной страсти, склонившись на обольщение и не победив в себе желание наслаждения?), а потому неволью был лишен и достояния "образа"; ибо Бог не малой части господства лишил того, который был страшен для всех как владыка, и стал непризнательным рабом после оскорбления Господа, сделав его презренным для подобных ему рабов. Сначала он был страшен для всех зверей: Бог привел к нему всех их, и ни один не посмел причинить ему зла или козни, видя блистающий в нем царский образ; когда же он помрачил грехом эти черты, то Бог лишил его и этого господства. Как через то, что человек не господствует над всем земным, а некоторых даже боится и страшится, не делается ложным изречение Божье: "и владычествуйте над всяким животным" (Быт. 1:28) (ибо сокращение власти произошло не от давшего ее, но получившего): так и козни жен в отношении к мужьям не ослабляют слов: "сотворим ему помощника, соответственного ему"; - она произошла для этого, но не осталась при этом. Кроме того, можно сказать и то, что она оказывает свою помощь к устроению настоящей жизни, к рождению детей

и к обузданию естественной похоти; но когда уже не будет времени ни для настоящей жизни, ни для деторождения, ни для похоти, то для чего напрасно ты здесь упоминаешь о помощнице? Если ты, которая в состоянии содействовать только в малых делах, станет кто-либо иметь сотрудницей в делах великих, то не только не получит никакой пользы, но свяжет самого себя заботами.

47. Что же мы, спросят, скажем Павлу, который говорит: "почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа" (1 Кор. 7:16) и, следовательно, признает ее помощь необходимою и в духовных делах? И я с этим согласен: я не отстраняю ее совершенно от содействия в духовном; - да не будет! - но я говорю, что она совершает это тогда, когда не занимается брачными делами, а, оставаясь женщиной по природе, достигает добродетели блаженных мужей. Она может помогать мужу не украшениями своими, не роскошью, не просьбами к мужу о выдаче денег, не пышностью и расточительностью, но когда, став выше всего настоящего и впечатлев в себе жизнь апостольскую, будет оказывать большую кротость, большую скромность, большое презрение к деньгам и терпеливость; тогда она будет в состоянии поддержать его, когда скажет: "имея пропитание и одежду, будем довольны тем" (1 Тим. 6:8). когда будет оправдывать такое любомудрие делами и, посмеиваясь над смертью телесною, считать за ничто настоящую жизнь, когда всю славу этой жизни будет признавать, согласно с пророком, за "цвет полевой" (Иса. 40:6). Таким образом, жена может спасти мужа не тем, что сопрягается с ним, как жена, но своей евангельской жизнью, что делали многие женщины и без брака. Так, Прискилла, приняв Аполлоса, говорится (в Писании), руководила его по всему пути истины (Деян. 18:26). Хотя теперь это невозможно, но женщины могут оказывать такое же усердие и пожинать такие же плоды. Женщина, как я сказал выше, обращает мужчину не потому, что она жена его, - иначе ничто не препятствовало бы тому, чтобы никто из имеющих верующую жену не оставался неверующим, если сообщество и сожителство устраивают это дело. Но бывает не так, вовсе не так: напротив должно оказывать великое любомудрие и терпение, посмеиваться над брачными делами и поступать так постоянно, вот что содействует спасению души сожителя; если же жена будет непрестанно заниматься женскими делами, то она не только не принесет ему никакой пользы, но и повредит. Даже и в таком случае это - одно из весьма трудных дел. Послушай, что говорит (апостол): "почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа" (1 Кор. 7:16)? Такой вид вопроса - мы обыкновенно употребляем в речи о том, что редко случается. Что же он говорит дальше? "Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены" (1 Кор. 7:27). Видишь ли, как он постоянно делает переходы и в своем увещании часто совмещает оба предмета? Как в словах о браке он вставил слова о воздержании, возбуждая по временам слушателя, так и здесь он снова вставляет слова о браке, давая слушателю отдых. Он начал с девства, но прежде чем сказать что-нибудь о нем, тотчас перешел к речи о браке; ибо слова: "я не имею повеления", - суть слова позволяющего и вводящего брак. Потом, перейдя к девству и сказав: "за лучшее признаю", и, заметив, что постоянное повторение его названия производит нелегкое впечатление на нежный слух, он не говорит о нем непрерывно; но, приведши достаточную причину облегчения подвигов девства, т. е. "настоящую нужду", не решается и теперь опять назвать "девство", а что? "хорошо человеку оставаться так", говорит и не продолжает речи об этом, но, прервав и остановив ее, прежде чем открылась трудность (девства), снова вставляет слова о браке и говорит: "соединен ли ты с женой? не ищи развода". Если бы это не так, если бы он не хотел предложить здесь утешение, то было бы излишне советуящему девство рассуждать о браке. Потом он снова переходит к девству, но и здесь не называет его собственным именем, а что? "Остался ли без жены?" говорит, "не ищи жены". Впрочем, не бойся: он не определил и не узаконил этого; слово о браке опять стоит близко, отклоняя этот страх и вещая: "если и женишься, не согрешишь" (1 Кор. 7:28). Но и не падай теперь; Он снова привлекает тебя к девству, о чем и хочет сказать в словах, поучающих, что вступившие в брак будут иметь великую "скорбь плоти". Как лучшие и добрые врачи, намереваясь дать горькое лекарство, или сделать отсечение, или прижигание, или что-либо подобное, не делают всего вдруг, но, всегда давая в промежутках отдых больному, таким образом исполняют остальное;

так и блаженный Павел не изложил совета о девстве без остановки, целостно и непрерывно, но, постоянно прерывая его словами о браке и прикрывая трудность его, сделал свою речь кроткой и удобоприемлемой. Для этого и допущено разнообразное смешение слав. Достойны рассмотрения и следующие слова: "соединен ли ты с женой? не ищи развода". Это не столько совет, сколько указание на затруднительность и безвыходность из этих уз. Почему он не сказал: имеешь ли жену? - не оставляй ее; живешь ли вместе? - не расставайся, а назвал сожителем узами? Он указывает этим на трудность дела. Так как все прибегают к браку, как легкому делу, то он показывает, что вступившие в брак несколько не отличаются от связанных (узами); ибо здесь, куда влечет один, туда необходимо следовать и другому, или если возмутится один, то вместе с ним погибнет и другой. А что, скажет (жена), если муж склонен к слабостям, а я хотела бы воздерживаться? Тебе необходимо следовать за ним: приятная цепь брака, наложенная на вас, принуждает тебя поступать так и против воли привлекает к тому, который изначально связан с тобою; если же ты будешь противиться и уклоняться, то не только не освободишься от уз, но и подвергнешься крайнему наказанию.

48. Та, которая воздерживается против воли мужа, не только лишится награды за воздержание, но и даст ответ за его прелюбодеяние, и ответ более строгий, чем он сам. Почему? Потому, что она, лишая его законного совокупления, низвергает его в бездну распутства. Если она не имеет права делать это и на короткое время без его согласия, то какое прощение может получить она, постоянно лишая его этого утешения? Но что, скажешь, может быть тяжелее этой необходимости и угрозы? И я говорю то же самое. Для чего же ты подвергаешь себя такой необходимости? Это должно было обдумать до брака, а не после брака. Посему и Павел, сказав о необходимости вследствие уз, говорит об освобождении. После слов: "соединен ли ты с женой? не ищи развода", он прибавляет: "остался ли без жены? не ищи жены". Он делает это для того, чтобы ты, наперед ясно рассмотрев и узнав тягость супружества, легче принял слово о безбрачии. "Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит" (1 Кор. 7:28). Вот чем ограничивается великая заслуга брака: тем, что за него не осуждаются, а не прославляются; последнее принадлежит девству, а вступивший в брак должен довольствоваться сведением, что он не согрешил. Почему же, скажут, ты советуешь не искать жены? Потому, что однажды связанному (браком) не следует разрывать его, ибо это влечет за собою много скорбей. Итак, скажи мне, неужели от девства мы получим только ту пользу, что избежим здешней скорби? Кто же решится принять на себя такой подвиг, ожидая за такие труды получить одно только это воздаяние?

49. Что говоришь ты? Призывая меня сражаться с демонами ("потому что наша брань не против крови и плоти" – (Еф. 6:12)), повелевая противостоять естественному неистовству, убеждая совершать подвиги с плотью и кровью наравне с бесплотными силами, ты упоминаешь только о земных благах и о том, что мы не будем иметь скорби, происходящей от браков? В самом деле, почему апостол не сказал так: если дева и вступит в брак, то не согрешит, но лишит себя венцов за девство, многих и неизреченных даров? Почему он не перечислил благ, предлежащих им после борьбы, как они пойдут во сретение Жениха, как получают блестящие светильники, как с большой славой и смелостью войдут в брачный чертог вместе с Царем, как будут блистать больше всех близ Его престола и седалищ царских? Об этом он не сделал и краткого упоминания, но как выше, так и ниже упоминает об освобождении от житейских неприятностей. "За лучшее признаю", говорит он, "хорошо человеку оставаться так", и вместо того, чтобы сказать: в виду будущих благ, говорит: "по настоящей нужде". Далее опять сказав: "и если девица выйдет замуж, не согрешит" и, умолчав о небесных дарах, которых она лишила себя, говорит: "таковые будут иметь скорби по плоти". И это он делает не только доселе, но и до конца, и, опуская указание на будущие блага, снова приводит ту же причину: "время", говорит, "уже коротко", и вместо того, чтобы сказать: "я желаю, чтобы вы блистали на небесах и явились гораздо славнее вступивших в брак", он и здесь продолжает говорить: "а я хочу, чтобы вы были без забот" (1 Кор. 7:32). Так поступает он не только в этом месте, но и, беседуя о перенесении обид,

употребляет тот же способ увещания. Сказав: "если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его" (Римл. 12:20), заповедав такое дело, повелев преодолевать потребность природы и бороться с таким невыносимым пламенем, он в словах о наградах умолчал о небе и небесном, и указал воздаяние за это во вреде для оскорбителя: "делая сие", говорит, "ты соберешь ему на голову горящие уголья" (Римл. 12:20). Для чего же он употребляет такой способ увещания? Не по неведению и незнанию, как можно склонить и убедить слушателя, но потому, что он больше всех людей отличался этой добродетелью, т. е. способностью убеждать. Откуда это видно? Из сказанного им. Где и каким образом? Он беседовал с коринфянами (мы сначала разберем сказанное им о девстве), в которых он "ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого" (1 Кор. 2:2), с которыми он не мог говорить, как с людьми духовными, и питал их еще молоком, ибо они были плотскими, за что и упрекал их в этом послании: "ибо вы были еще не в силах", говорил он, "да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские" (1 Кор. 3:2-3). Посему он побуждает их к девству и отклоняет от брака земными благами, видимыми и осязательными. Он хорошо знал, что людей малодушных, низменных и приверженных еще к земле, можно скорее привлечь и поощрить земными (благами). Почему, скажи мне, многие из людей невежественных и грубых и в маловажном и в важном деле без страха клянутся Богом и нарушают клятву, а не решатся начать клятву головой своих детей? Хотя нарушение той клятвы и наказание за все гораздо больше, чем за последнюю, но они все-таки скорее употребляют первую клятву, чем вторую. Так и относительно помощи бедным на них не столько действуют слова о царстве небесном, хотя бы часто повторяемые, сколько надежда на что-нибудь полезное в здешней жизни или для их детей или для них самих. Они тогда особенно склонны к такому попечительству, когда надеются получить облегчение от продолжительной болезни, избежать опасности, достигнуть какой-либо власти и начальства. И вообще оказывается, что большинство людей скорее убеждается тем, что близко перед ними. Что больше действует на их чувства, то скорее побуждает их к добрым делам и сильнее устрашает в дурных. Посему и (Павел) так говорил коринфянам, и римлян побуждал к перенесению обид настоящими (благами). Слабая и оскорбленная душа не так легко отбросит яд гнева, если услышит о царстве (небесном) и получит отдаленные надежды, как тогда, когда будет ожидать наказания обидевшему. Итак, желая пресечь корень злопамятности и пока успокоить гнев, он приводит то, что было действительнее для утешения обиженного, не лишая его назначенной награды в будущем времени, но стараясь пока вывести его каким бы то ни было образом на путь любознания и открыть двери к примирению, ибо самое трудное дело - приступить к началу подвига, а по вступлении труд бывает уже не так велик. Но Господь наш Иисус Христос не так поступает, беседуя как о девстве, так и о перенесении обид: беседуя о первом, Он указывает на царство небесное: "и есть скопцы", говорит он, "которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного" (Матф. 19:12); когда же Он увещает молиться за врагов, то, не сказав ничего о вреде для обидевших и не упомянув о горящих углях, но, предоставив говорить все это к людям малодушным и низменным, побуждает к этому высшими (благами). Какими же? "Да будете", говорит, "сынами Отца вашего Небесного" (Матф. 5:45). Смотри, сколь великая награда, потому что слушателями Его были Петр, Иаков, Иоанн и сонм прочих апостолов; посему Он и побуждал их духовными наградами. И Павел сделал бы то же самое, если бы речь его относилась к подобным людям; но так как он говорил к коринфянам, весьма несовершенным, то он и указывает им на ближайшие плоды трудов, чтобы они охотнее приступили к упражнению в добродетели. Посему и Бог награждал иудеев, не упоминая о царстве небесном, земными благами; а за дурные дела угрожал не геенной, но несчастьями в этом веке: голодом, язвой, болезнями, войнами, пленом и тому подобным; ибо люди плотские скорее этим удерживаются, и этого более боятся, и менее заботятся о невидимом и ненастоящем. Поэтому и Павел останавливался больше на том, что особенно могло подействовать на их грубость. Кроме того, он хотел показать и то, что некоторые другие добродетели, возлагая на нас много трудов, все плоды собирают в будущем времени, а девство, при самом подвижничестве в

нем, доставляет нам не малое воздаяние, освобождая нас от таких трудов и забот. Вместе с тем он предложил еще нечто третье. Что же? То, что это дело должно считаться в числе не невозможных, но весьма возможных. Он делает это, очень пространно объясняя, что брак имеет весьма много неудобств, как бы так обращаясь к кому-нибудь: это дело тебе кажется обременительным и трудным; но я потому самому и предлагаю тебе приняться за него, что оно весьма легко, так как доставляет нам гораздо менее забот, нежели брак; "жаль мне вас", говорит он, и не хочу, чтобы вы имели скорби, потому и не желаю, чтобы вы вступали в брак. Какую же скорбь? - может быть, скажет кто-нибудь: напротив, мы находим, что брак доставляет большое удовольствие и наслаждение: и, во-первых, удовлетворение страсти со всей свободой, без причинения какого-либо насилия природе, не мало служит к облегчению; а потом и остальная жизнь освобождается от уныния и нечистоты и бывает полна приятностей, веселья и радости; ибо люди, угождающие плоти роскошным столом, нежными одеждами, мягкой постелью, постоянными омовениями, благовониями, вином, нисколько не уступающим благовониям, и многими другими и различными излишествами, вследствие брака доставляют ей большое наслаждение.

50. Все это непозволительно: брак же обыкновенно доставляет нам только свободу совокупления, а не наслаждение. Свидетель этого блаженный Павел, который говорит так: "а сластолюбивая заживо умерла" (1 Тим. 5:6). Так он говорит о вдовах: послушай же, что он говорит и о вступивших в брак. "чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию" (1 Тим. 2:9-10). И не только здесь, но и в других местах, как может всякий видеть, он много говорит о том, чтобы у нас совершенно не было заботы ни о чем подобном. Но что я говорю о Павле? Он говорил это тогда, когда было время высшего любомудрия и была великая благодать Духа. И Амос, обращаясь с речью к младенцам - иудеям, у которых позволялось и наслаждение, и роскошь, и, так сказать, все излишнее, послушай, как сильно укоряет предающихся наслаждению: "вы, которые день бедствия считаете далеким и приближаете торжество насилия, - вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями" (Амос. 6:3-6).

51. Итак, как я сказал выше, наслаждаться совершенно не дозволяется; но, если бы даже ничего такого не запрещалось, а все дозволялось, есть так много другого, равного этому по своей печали и скорби, и даже многочисленнее и больше в такой степени, что мы нисколько не чувствуем приятности (брака) и всякое наслаждение от него исчезает.

52. Если кто по природе ревнив или предался этой страсти по какому-нибудь несправедливому предлогу, то, скажи мне, что может быть злосчастнее такой души? Сравнивая войну и бурю с такой семьей, ты можешь найти здесь верное пособие: все полно печали, подозрения, несогласия и смятения. Одержимый этим неистовством нисколько не лучше бесноватых или больных сумасшествием: так часто он бросается, отступает и раздражается на всех, и беспрерывно вымещает свой гнев на людях, просто присутствующих и ни в чем неповинных, будет ли то раб, или сын, или кто другой. Всякое удовольствие исчезает и все наполняется унынием, скорбью и неудовольствием; остается ли он дома, идет ли на площадь, отправляется ли путешествовать, повсюду это горе сопровождает его, возбуждая и раздражая его душу хуже всякого рожна и не давая покоя; ибо эта болезнь обыкновенно производит не только уныние, но и невыносимое раздражение. Каждое из них уже само по себе достаточно для погубления одержимого им; если же они вместе нападут на него, удручая его постоянно и не давая отдыха даже на короткое время, то скольких смертей это тяжелее? Назовет ли кто крайнюю бедность, неизлечимую болезнь, огонь, железо, он не укажет ничего равного этому. Только те, которые сами испытали, хорошо знают это, а никакими словами невозможно выразить чрезмерность этого горя.

Когда кто вынуждается постоянно подозревать ту, которую любит больше всего и за которую с удовольствием готов отдать душу свою, то какое утешение может облегчить его? Нужно ли ему идти ко сну, или взяться за пищу и питье, - стол покажется ему наполненным больше ядовитыми веществами, нежели яствами; на постели же он не будет иметь покоя ни на малое время, но будет беспокоиться и вертеться, как бы на горячих углях. Ни общество друзей, ни забота о делах, ни страх опасностей, ни избыток удовольствий, ни что-либо другое не может отвлечь его от этой бури; но сильнее всех радостей и печалей эта буря овладевает его душой. Имея в виду это, Соломон говорит: "люта, как преисподняя, ревность" (Песн. 8:6), и еще: "потому что ревность - ярость мужа, и не пощадит он в день мщениа, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров" (Притч. 6:34-35). Неистовство этой болезни таково, что скорбь от нее не проходит даже после отмщениа причинившему ее; часто многие, уничтожив прелюбодея, не в силах были уничтожить своего гнева и уныния; а есть и такие, которые, убив своих жен, продолжали гореть в этом огне так же или даже более. В таких бедствиях проводит жизнь муж, когда даже нет верного повода; а жалкая и несчастная жена мучится больше мужа. Когда она видит, что тот, кто должен быть утешением среди всех скорбей и от кого надлежало ожидать покровительства, относится к ней зверски и враждебнее всех, то куда она может обратиться, к кому прибегнуть, где найти избавление от зол, когда гавань для нее закрыта и полна тысячи утесов? Тогда рабы и служанки обращаются с ней оскорбительнее мужа; этот род людей вообще склонен к подозрению и неблагодарности; когда же они получают более смелости и увидят, что господа их не согласны между собой, то находят в их вражде не мало поводов к своему бесстыдству. Тогда им можно со всей смелостью выдумывать и сочинять все, что захотят, и увеличивать подозрение своими клеветами. Душа, раз уже зараженная этою злою болезнью, легко верит всему и, равно открывая свой слух для всех, не может отличить клеветников от неклеветников, и даже ей кажутся более достоверными слова тех, которые увеличивают подозрение, нежели тех, которые стараются уничтожить его. От этого, наконец, жене бывает необходимо бояться и опасаться рабов и их жен не менее, чем своего супруга и, уступив им свое место, самой занять их положение. Когда же она может не проливать слез? Какую ночь, какой день, какой праздник она может проводить без стенаний, сетований и рыданий? Угрозы, оскорбления и злословия (преследуют ее) постоянно то от мнимооскорбленного мужа, то от гнусных рабов; осторожности, предосторожности и все исполнено страха и трепета. Подсматриваются не только ее входы и выходы, но и слова, и взгляды и стоны разведываются с большою тщательностью, так что ей необходимо или быть неподвижнее камней и все переносить молчаливо и постоянно сидеть в своей комнате хуже узника, или, если желает, говорить, плакать и выходить, и за все подвергаться отчету и суду этих негодных судей, т. е. служанок и множества рабов. Пусть будет, если угодно, среди этих зол несчетное богатство, роскошный стол, толпы рабов, знатность происхождения, величие власти, большая слава, знаменитость предков; вообще, не опусти ничего из того, что, по-видимому, делает настоящую жизнь завидной, но, тщательно собрав все, противопоставь этой печали, - и ты даже не увидишь проявления какого-либо удовольствия от всего этого, но оно исчезнет, как обыкновенно угасает малая искра, попав в огромное море. Так бывает, когда ревнует муж; если же эта страсть овладеет женой (что бывает нередко), то ему будет легче, нежели жене, а на эту несчастную падет еще больше горя; потому что она не может пользоваться тем же оружием против подозреваемого. Кто согласится, по приказанию жены, сидеть постоянно дома? Кто из слуг осмелится наблюдать за господином, не опасаясь тотчас быть вверженным в пропасть? Итак, она не может ни утешать себя этими средствами, ни высказывать свой гнев словами, но однажды или дважды, может быть, муж перенесет ее негодование; если же она будет постоянно продолжать свои упреки, то он скоро научит ее, что лучше молча переносить все и страдать. Все это бывает при подозрениях; если же действительно случится такое горе, то никто не исхитит жены из рук оскорбленного (мужа), и он, при помощи благоприятствующих ему законов, приведет свою возлюбленную в судилище и погубит; муж же по законам избегает наказания, которое предоставляется

высшему и Божественному суду. Но этого недостаточно для утешения несчастной; ей предстоит подвергнуться медленной и жалкой смерти от чар или отрав, которые приготавливают распутные женщины. Бывали и такие случаи, когда не было надобности и в этих отравках для огорченных женщин, но сами они предупреждали и погибали от сильного горя. Таким образом, если бы даже все мужчины прибегали к браку, женщинам не надлежало искать его; ибо они не могут сказать, что у них бывает такая сила похоти, а большую часть бедствий от брака пожинаят они, как то доказала эта речь. Что же, скажут, разве это бывает во всех браках? Не во всех бывает, а от девства всякого далеко и очень далеко. Вступившая в брак, если и не впадет в несчастье, то подвергнется ожиданию этого несчастья; намеревающаяся вступить в общение с мужем не может вместе с этим общением не ожидать и не опасаться бед; девственница же избавлена не только от этих горестей, но и опасения. Это бывает (скажут) не во всех браках. Я и не говорю этого, но если не бывает этого, то бывает многое другое; если кто избегнет и последнего, то не может избежать всего вообще. Но подобно тому, как бывает с терниями, приставшими к одеждам проходящего около терновых оград, когда он повернется, чтобы отцепить одни, то покрывается многими другими: так и в брачных делах - избежавший одного вновь поражается другим, уклонившийся от этого попадает на третье, и вообще невозможно найти брака, свободного от всякого неудовольствия.

53. Но, если угодно, оставив неприятности, представим и разберем теперь то, что в браке кажется вожделенным, и что многие часто, или лучше сказать, все желают получить. Что это? То, чтобы бедному, низкому и презренному, взять жену от людей великих, сильных и владеющих большим богатством. Но мы найдем, что и это завидное состояние сопряжено с несчастьями не меньшими, как и то неприятное. Род человеческий вообще склонен к надменности, а женщины настолько более, насколько они слабее; поэтому они больше предаются этой страсти; а когда есть много поводов к надменности, то уже ничто не может удержать их; как пламень, охвативший какое-нибудь вещество, так и они поднимаются на невыразимую высоту, извращают порядок и ниспровергают все. Такая жена не позволяет мужу оставаться на месте главы, но, по своему высокомерию и безумию свергнув его с этого места и низведши на принадлежащее ей - на место подчиненного, сама делается главой и повелительницей. Что может быть хуже этого беспорядка? Я умалчиваю об укоризнах, оскорблениях и неприятностях, которые несноснее всего.

54. Если же кто скажет (я слышал многих говоривших это, когда происходили подобные разговоры): была бы только она богата и зажиточна, а переносить и укрощать ее высокомерие несколько не трудно. Если кто так говорит, то, во-первых, он не знает, что это весьма трудно; во-вторых, если это случится, то принесет не малый вред; потому что подчинение ее мужу по необходимости, со страхом и с насилием, тяжелее и неприятнее, нежели подчинение его полной ее власти. Почему? Потому что это насилие изгоняет всякую дружбу и удовольствие; если же не будет дружбы и любви, а вместо этого страх и принуждение, то какое значение будет иметь брак?

55. Все это бывает тогда, когда жена богата; если же случится, что она ничего не имеет, а муж богат, то она будет служанкой, а не женой, свободная делается рабой, и потеряв принадлежащую ей свободу, станет в положение несколько не лучше купленных рабов: но захочет ли муж распутствовать, или пьянствовать, или привести на самое ложе ее множество распутных женщин, она должна все терпеть и допускать, или уйти из дома. И не только это ужасно, но и то, что при таком расположении мужа, она не может свободно приказывать ни рабам, ни служанкам, но принуждена делать и терпеть все так, как бы живя среди чужих, пользуясь не принадлежащим ей и сожительствуя скорее с господином, чем с мужем. Если же кто захочет взять жену из равных себе, то опять равночестность нарушается законом подчинения, тогда как равномерность имуществ располагает ее равняться с мужем. Что же можно сделать, когда всюду такие неудобства? Не выставляй на вид те очень немногие и редкие браки, которые избежали этого; о вещах нужно судить не по редким исключениям, а по

всегдашним явлениям. В девстве трудно быть этому, или лучше сказать, невозможно, а в браках трудно не быть этому.

56. Если в счастливых, по-видимому, браках происходят такие неприятности и несчастья, то что сказать о таких, которые признаются несчастными? Жена боится не одной только своей смерти, хотя она должна однажды умереть, и заботится не об одной душе, хотя имеет одну душу, но боится за мужа, боится за детей, боится за их жен и опять за детей, и чем больше корень пускает ветвей, тем больше умножаются ее заботы; если у каждого из них случится или недостаток в деньгах, или телесная болезнь, или что-нибудь другое нежелательное, то ей нужно мучиться и печалиться не меньше самих страждущих. Если они все умрут прежде нее, то для нее невыносимое страдание; если одни останутся, а другие скончаются преждевременной смертью, и тогда для ней не будет чистого утешения; потому что страх за живых, постоянно потрясающий душу, бывает не легче печали об умерших и даже, если можно сказать нечто удивительное, еще тяжелее. Время смягчает скорбь об умерших, а заботы о живых неизбежно остаются всегда, или прекращаются только смертью. Если же мы не имеем сил для перенесения собственных страданий, то какую жизнь проводить будем мы, поставленные в необходимость оплакивать несчастья других? Многие, нередко происходящие от знаменитых родителей и воспитавшиеся в большой роскоши, были выдаваемы за кого-нибудь из весьма знатных мужей, а потом вдруг, прежде наслаждения счастьем, от какой-нибудь опасности, как бы от бури или налетевшего ветра, погибали, подвергшись ужасам кораблекрушения, и те, которые наслаждались до замужества бесчисленными благами, вследствие брака впадали в крайнее несчастье. Но это, скажут, бывает не со всеми и не всегда. От всех это недалеко (повторяю опять то же), но одни испытали это на себе, а те, которые избежали такого опыта, страдали от ожидания того же. Между тем всякая девственница выше такого и испытания и ожидания.

57. Впрочем, оставив это, если угодно, теперь рассмотрим то, что естественно сопряжено с браком и чего никто волею или неволею не может избежать. Что же это? Муки чревоношения и рождения и воспитание детей. Или лучше, начнем речь выше и изложим то, что предшествует браку, по возможности, ибо в точности знают только те, которые испытали это. Настало время сватовства, и тотчас являются непрерывные и разнообразные заботы: какого (дочь) получит мужа, не низкого ли по происхождению, или бесчестного, или самолюбивого, или лживого, или гордого, или дерзкого, или ревнивого, или мелочного, или глупого, или порочного, или грубого, или слабого. Хотя не со всеми выходящими замуж необходимо случается все это, но необходимо подумать и позаботиться обо всем; так как суженый еще неизвестен, и надежда еще сомнительна, то душа всего боится и опасается и размышляет обо всем этом. Если же кто скажет, что она может радоваться, ожидая противного, то пусть знает, что нас не столько утешают надежды на лучшее, сколько печалит ожидания худшего. Радость бывает только тогда, когда кто наверно ожидает доброго; а дурное, хотя бы только было воображаемо, тотчас смущает и беспокоит душу. Как у невольников душа не может быть спокойной от неизвестности о будущих господах, так и у девиц во все время сватовства душа уподобляется обуреваемому кораблю, пока родители ежедневно одних принимают, другим отказывают; вчера одержавшего верх сегодня перебивает другой жених, а этого опять вытесняет иной. Случается, что перед самыми дверьми брака обнадеженный жених уходит с пустыми руками, а неожиданному родители отдают свою дочь. И не только женщины, но и мужчины имеют тогда тяжкие заботы. О последних можно и разведать все, а как узнать нравы и наружность той, которая постоянно держится внутри дома? Это во время сватовства; а когда настает время брака, то беспокойство увеличивается, и удовольствие преодолевается опасением, как бы в этот же вечер она не оказалась неприятной и с большими против ожидания недостатками. Для той, которая сначала нравилась, сносно быть впоследствии презираемой; а которая с самого, так сказать, первого шага покажется неприятной, то когда потом может понравиться? Не говори мне: а что, если она окажется благообразной? Даже и в этом случае она не избавляется от заботы. Многие, весьма блиставшие телесной красотой, не могли

привлечь к себе своих мужей, которые, оставив их, предавались другим, гораздо худшим их. Когда окончилась и эта забота, тогда является другое неудовольствие при отдаче приданого; тесть не с охотой отдает то, что назначил в приданое; жених, хотя спешит получить все, но принужден требовать уплату с почтением, а жена, пристыженная отсрочкой уплаты, краснеет перед мужем более всякого неисправного должника. Но оставлю это теперь. Когда окончилась и эта забота, тотчас является опасение бесплодия, и напротив того - забота о многочислии; но так как ничего такого еще не видно, то с самого начала они тревожатся заботами о том и другом. Если она тотчас сделается беременной, то опять - радость со страхом (ибо ни одно из удовольствий брака не бывает без страха), со страхом того, чтобы от преждевременных родов зачатое не потерпело вреда, а зачавшая не подверглась крайней опасности. В течение продолжительной беременности женщина бывает несмелой, как виновница рождения. Когда же наступит время родов, тогда чрево, столько времени обремененное, разверзает и как бы расторгают муки рождения, которые одни могут достаточно затмить все удовольствия брака. Вместе с тем ее беспокоят и другие заботы. Жалкая и скорбная женщина, хотя уже сильно измученная прежними страданиями, не менее того боится, чтобы ребенок не вышел поврежденным и уродливым вместо правильного и здорового, и чтобы не был женского пола вместо мужского. Это томление возмущает женщин тогда не менее мук рождения; ибо не только за то, чего они бывают причиной, но и за то, в чем оно не служат причиной, они боятся мужей, и за последнее не меньше, чем за первое, и, не обращая внимания в этой буре на собственную безопасность, беспокоятся, чтобы не произошло чего-нибудь неприятного для мужа. Когда дитя явилось на землю и произнесло первый крик, то следуют новые заботы, о сохранении и воспитании его. Если оно будет с хорошими природными качествами и склонно к добродетели, то родителям опять беспокойство, чтобы дитя не потерпело какого-нибудь зла, чтобы не умерло преждевременной смертью, чтобы не впало в какой-нибудь порок. Ибо не только из дурных делаются хорошими, но из хороших делаются дурными и порочными. Если случится что-нибудь неожиданное, то печаль родителей будет невыносимее, чем если бы это произошло с самого начала; если же все хорошее будет поставлено прочно, то у них всегда остается опасение перемены, потрясая их душу и лишая значительной части удовольствия. Но, (скажешь), не у всех брачных бывают дети. Этим ты указываешь еще и на другую причину уныния. Итак, если (брачные) всегда, - есть ли у них дети, или нет, хороши ли они, или дурны, - бывают удручены разными печалью и заботами, то можно ли назвать брачную жизнь наиболее приятной? Далее: если супруги живут во взаимном согласии, (является) опасение, чтобы наступившая смерть не разрушила их удовольствия; а лучше сказать, это уже не только страх и ожидаемое бедствие, но неизбежная необходимость. Никто не может указать, чтобы оба (супруги) умирали когда-либо в один день; если же этого не бывает, то оставшемуся необходимо переносить жизнь, которая гораздо хуже смерти, жили ли они вместе долго, или мало. Тот, чем больше испытал, тем больше имеет горя, ибо большая привычка делает разлуку невыносимой, а этот, прежде чем вкусить и насладиться любовью, лишился ее в самом разгаре страсти, почему испытывает тем более скорби, и таким образом оба, по противоположным причинам, подвергаются одинаково тяжким скорбям. А что сказать о случающихся иногда разлуках, о далеких путешествиях, о происходящих от этого томлениях, о болезнях? Но как, скажут, это относится к браку? И от этой причины весьма часто многие (жены) заболели; огорчившись и раздражившись то от гнева, то от уныния, они получали сильные горячки. Если в присутствии (мужа) они не терпят ничего такого, но постоянно наслаждаются его ласками, то вследствие его отсутствия подвергаются этим страданиям. Впрочем, оставим все это, и ни в чем не будем обвинять брак, и, однако, мы не можем защитить его от одной вины. От какой же? От той, что он здорового человека повергает в состояние несколько не лучшее больного и причиняет ему уныние такое же, как лежащему в болезни.

58. Не будем, если угодно, говорить обо всем этом и предположим на словах невозможное; допустим, что брак имеет все вообще блага: многочадие, добрых детей, богатство, у жены целомудрие, красоту, благоразумие, согласие, жизнь до глубокой старости; пусть будет при этом и знатность происхождения и величие власти и не тревожит общая естественная слабость - опасение перемены всего этого, пусть будет удалена всякая причина уныния, всякий повод к заботе и беспокойству, и ни другая какая-либо причина, ни преждевременная смерть не расторгает брака, но пусть оба они умирают в один день, или, что гораздо приятнее, пусть останутся у них наследниками дети, и похоронят обоих родителей вместе в глубокой старости. Какой же будет конец? С какой пользой от этих многих удовольствий они отойдут туда? Оставить много детей, наслаждаться с хорошей женой роскошью и всеми другими благами, которые я сейчас исчислил, и достигнуть глубокой старости, какую все это может нам принести пользу на том судилище в виду вечных и истинных благ? Никакой. Все это тень и сновидение. Если же от этого мы не можем получить никакой пользы в ожидающих нас и не имеющих конца веках, и никакого иметь утешения, то наслаждавшийся этим должен будет стать наравне с теми, которые не наслаждались. Так, если бы кто в продолжение тысячи лет в одну только ночь увидел приятное сновидение, то и о нем мы не сказали бы, что он имеет какое-либо преимущество перед тем, кто не наслаждался таким видением. Впрочем, этим я еще не выразил всего, что хотел; ибо здешние блага не столько отличаются от тамошних, сколько сновидения от действительности, но гораздо больше; и не так настоящий век относится к будущему, как одна ночь к тысяче лет, но и здесь разница гораздо больше. Дела же девственницы не таковы, но она отходит туда с великим богатством; впрочем, начнем исследование об этом выше.

59. Нет ей нужды разведывать о женихе, не боится она и какого-нибудь обмана. Бог - не человек, Владыка - не раб. Такова разница между женихами; посмотри еще, на каких условиях здесь вступают в брак. Ни невольники, ни десятины земли, ни столько-то и столько-то талантов золота, но небеса и небесные блага - подарки такой невесте. Притом другая вступившая в брак боится смерти, как по иным причинам, так и потому, что смерть разлучает ее с супругом, а девственница даже желает смерти и тяготится жизнью, поспешая видеть Жениха лицом к лицу и насладиться той славой.

60. Не может причинить ей вреда ни житейская бедность, как это бывает в другом браке, но делает ее еще более любезной для Жениха, как претерпевающую эту бедность добровольно, ни происхождение от незнатных родителей, ни недостаток телесной красоты, ни другое что-либо подобное. Что я говорю об этом? Если даже она будет не свободной, и это не может повредить ей при сватовстве: достаточно иметь прекрасную душу, чтобы получить первенство. Ей не предстоит бояться ревности, не предстоит мучиться завистью к другой женщине, как сопрягающейся с более славным мужем; потому что нет никого, не только подобного или равного ее Жениху, но даже хотя мало приближающегося к Нему; в другом же браке, если которая будет иметь и очень богатого и весьма знатного мужа, всегда может найтись другая, имеющая еще более знатного, а превосходство большего не мало уменьшает удовольствие обладания менее превосходным. Но (скажут) большая роскошь и обилие золота, одежд, столовых и других вещей может прельщать и привлекать душу. А много ли женщин наслаждаются этим? Большая часть людей живет в бедности, горестях и трудах; если же некоторые пользуются такими благами, то очень немногие и редкие, и те против воли Божьей: как мы доказали в вышесказанном, Он никому не дозволяет наслаждаться этим.

61. Впрочем, предположим на словах, что роскошь дозволяется и что ни пророк, ни Павел не осуждают украшающихся женщин. Какая польза от множества золотых вещей? Ничего иного, кроме зависти, заботы и немалого страха: ибо владеющие ими тревожатся заботами не только тогда, когда эти вещи положены в ящичек или когда наступает ночь, но и когда надевают их в дневное время, они также испытывают беспокойство и даже худшее. И в банях, и в церквах являются женщины, которые похищают их; а часто и без последних носящие золотые вещи, подвергаясь стеснению и толчкам от

толпы, не замечают, как теряется какая-нибудь из их золотых вещей. Таким образом, многие женщины не только таких вещей, но даже более ценных ожерелий, украшенных драгоценными камнями, лишались просто вследствие того, что эти вещи оторвавшись, терялись.

62. Но пусть не будет и этого опасения; пусть устранена будет и эта забота: какая от того польза? Другой, скажут, увидит и будет восхищаться. Но не той, которая украшена, а самими украшениями, ее же часто и осудит за это, как украшающуюся ими не по достоинству. Если она красива, то вредит природной красоте; ибо множество украшений не дает ей выказаться вполне, закрывая большую часть ее самой; если же она некрасива и безобразна, то покажет себя еще более отвратительной. Безобразие, всегда являющееся в своем виде, оказывается только таким, каково оно есть; а когда его окружает блеск камней или красота какого-нибудь другого вещества, то безобразие достигает большей степени. Чернота тела кажется чернее в сравнении с блеском жемчужины, сверкающей как бы во мраке; уродливость лица представляется гораздо хуже от цветной одежды, которая не допускает зрителей смотреть на лицо в собственном его виде, но в сравнении с изящной красотой изделий, от чего оно еще более посрамляется. Золото, рассыпанное по одежде, пестрота разных изделий и всякие прочие украшения, подобно доблестному, сильному и здоровому ратоборцу, повергающему больного, изнуренного и голодного, побеждая наружность лица увешанной ими, привлекают внимание зрителей к себе самим и заставляют больше над ней смеяться, а им оказывать большее удивление.

63. Не таково украшение девства. Оно не безобразит облакающуюся в него; потому что все оно не телесное, а духовное; и потому, если она некрасива, оно тотчас изменяет безобразие в изящную красоту; если же она красива и блестяща, то придает ей еще более блеска. Ни камни и золото, ни драгоценность одежд и дорогие разнообразные цвета красок, и ничто иное из подобных тленных вещей не украшает душ, но вместо этого - посты, священные бдения, кротость, скромность, бедность, мужество, смиренномудрие, терпение, презрение всех вообще предметов настоящей жизни. Взор девственницы так прекрасен и привлекателен, что на него с любовью взирают бесплотные силы и Господь их, - так чист и пронизателен, что может созерцать, вместо телесных, бестелесные красоты, - так незлобив и кроток, что не озлобляется и не враждует даже против непрестанно обижающих и оскорбляющих, но и на них смотрит приятно и ласково. Ее облакает такая благопристойность, что даже распутные стыдятся, краснеют и сдерживают свое бесстыдство, когда пристально посмотрят на нее. Как служанка, служащая порядочной женщине, необходимо и сама делается такой же, хотя бы и не желала этого; так и плоть такой любомудрой души необходимо сообразует и собственные порывы с ее движениями. У нее и глаз, и язык, и осанка, и походка и вообще все имеет отпечаток внутреннего благоустройства; и как драгоценное миро, хотя бы заключено было в сосуде, наполняя воздух своим благовонием, доставляет удовольствие не только стоящим в том же месте и вблизи, но и всем стоящим поодаль, так и благоухание девственной души, разливаясь по ее чувствам, проявляет находящуюся внутри нее добродетель, которая, налагая на все чувства золотую узду благопристойности, удерживает всех этих коней в полной исправности и не позволяет ни языку говорить что-нибудь неблагозвучное и нестройное, ни глазу смотреть бесстыдно и подозрительно, ни слуху воспринимать какие-нибудь непристойные песни. Она заботится и о ногах, чтобы они не выступали беспорядочно и неестественно, но имели походку неизысканную и безыскусственную; отвергнув украшения в одеждах, она постоянно располагает и лицо не расплываться от смеха, и даже слегка не улыбаться, но всегда являться степенным и строгим, всегда готовым к слезам и никогда - к смеху.

64. Услышав о слезах, не подразумевай здесь какого-нибудь огорчения; эти слезы доставляют такое удовольствие, какого не имеет смех здешнего мира. Если не веришь, то послушай Луку, который говорит, что апостолы, приняв побои, "они же пошли из синедриона, радуясь" (Деян. 5:41), хотя не таковы естественные последствия побоев; ибо обыкновенно они производят не удовольствие и

радость, а скорбь и страдания. Не таково естественное действие побоев, но вера во Христа такова, что она побеждает даже природу вещей. Если побои за Христа доставили удовольствие, то, что удивительного, если производят тоже и слезы за Него? Посему, Он тот самый путь, который назвал тесным и скорбным, потом называет игом благим и бременем легким (Матф. 7:13, 9:30). Этот подвиг по свойству своему столь труден, но по ревности и благим надеждам совершающих его он делается весьма легким. Посему можно видеть, что по узкому и скорбному пути избравшие его идут с большей бодростью, нежели по широкому и просторному, не потому, чтобы они не встречали скорбей, но потому, что они выше этих скорбей, и не терпят от них ничего такого, что обыкновенно терпят другие. И эта жизнь (девственниц) имеет печали, но в сравнении с брачными, их нельзя и назвать печалью.

65. Скажи мне, испытывает ли девственница во всю свою жизнь что-нибудь подобное тому, что испытывает, так сказать, ежегодно, вступившая в брак, терзаясь муками и воплями при родах? Сила этих мук такова, что, когда божественное Писание желает иносказательно выразить плен, голод, язву и невыносимые бедствия, то называет все это муками рождения. Это самое и Бог назначил жене вместо наказания и проклятия, то есть, не самое рождение, но рождение с такими трудами и муками. "В болезни", сказал Он, "будешь рожать детей" (Быт. 3:16). Девственница же стоит выше этих мук и проклятия; Тот, кто освободил (нас) "от клятвы закона" (Гал. 3:13), освободил и ее от этого.

66. Но (скажут) приятно нестись по площади на лошадках. Это - только одно лишнее тщеславие, не приносящее никакого удовольствия; как мрак не лучше света, как быть связанным не лучше, чем развязанным, как нуждаться во многом не лучше чем не нуждаться ни в чем, так и не пользующаяся собственными ногами не лучше (пользующихся). Я опускаю те затруднения, которые неизбежно испытываются при этом. Ей можно выходить из дома не тогда, когда она захочет, но часто, когда настоящая нужда требует выхода, она принуждена оставаться дома, подобно нищим, у которых отсечены ноги и которые не могут двигаться. Если муж даст лошадкам другое назначение, тогда является уныние, ссора и упорное молчание; если же сама она, не предвидя будущего, сделает то же самое, забыв о муже, то навлекает его гнев на себя и постоянно терзается укоризнами от него. Сколько лучше было бы, пользуясь своими ногами (на это их нам и дал Бог), не подвергаться таким неприятностям, чем, по склонности к роскоши, иметь столько мучений, скорби и уныния! И не одни эти причины удерживают ее дома, но если случится болезнь ног, у обоих ли лошаков или у одного из них, бывает то же самое; также, когда случится отправить их на пастбище (а это бывает ежегодно и на много дней), то опять ей необходимо оставаться дома, как связанной и не выходить из дома, хотя бы даже была необходимая надобность. Если же кто скажет, что она через это избавляется от множества встречных и не бывает обязана показываться и стыдиться перед каждым из знакомых, тот, мне кажется, совершенно не знает, что устраняет и что навлекает на женский пол стыд. Это зависит не от того, показывается ли она или скрывается, но последнее от внутренней душевной гордости, а первое от целомудрия и скромности. Посему многие, не имея этой ограды и ходя среди толпы по площади, не только не навлекли на себя осуждений, но даже возбуждали во многих удивление их целомудрию, и своей осанкой, и походкой, и простотой одежды обнаруживая свет внутренней благопристойности; а многие, и сидя внутри, навлекли на себя дурную славу; потому что можно и скрывшейся, более показывающихся, обнаружить для желающих свою гордость и надменность.

67. Но, может быть, приятна толпа служанок? Ничего нет хуже этого удовольствия, сопряженного с такими заботами; о каждой из них, в случае ее болезни или смерти, нужно беспокоиться и скорбеть. Но если это может быть сносно, то гораздо неприятнее тревожиться ежедневно, исправляя их нерадивость, прекращая неисправность, пресекая неблагодарность и останавливая всякие другие их пороки; а всего хуже то, - что обыкновенно случается при множестве прислуги - если в толпе этих служанок окажется благообразная. Это непременно должно случиться при множестве их; потому что богачи стараются иметь не только многих, но также и красивых

служанок. Если какая-нибудь из них будет блистать (красотой); то привлечет ли она к себе господина любовью, или будет не больше, как предметом восхищения, для госпожи одинаково бывает прискорбно уступать ей если не в любви, то в телесной красоте и внимании других. Итак, если то, что у них считается славным и радостным, причиняет такие скорби, то, что сказать о печальном?

68. Девственница же не испытывает ничего такого; жилище ее свободно от беспорядка, и всякий шум далек от него; внутри его, как в тихой пристани, господствует молчание, и еще важнее молчания - безмятежность в ее душе, которая не занимается ничем человеческим, но постоянно беседует с Богом и неуклонно взирает на Него. Кто измерит это удовольствие? Какое слово изобразит радость души, так настроенной? Никакое; одни только те, которые полагают свою радость в Господе, знают, как велика эта радость и насколько она превосходит всякое сравнение. Большое количество серебра (скажут), всюду видимое, доставляет глазам большое наслаждение. Но не гораздо ли лучше взирать на небо и оттуда почерпнуть гораздо большее удовольствие? Насколько золото лучше олова и свинца, настолько небо светлее и блестящее золота и серебра и всякого другого вещества; притом это созерцание свободно от забот, а то соединено с великим беспокойством, что всегда причиняет большой вред возделаниям. Но ты не хочешь взирать на небо? Тебе дозволительно смотреть на серебро, находящееся на площади. "К стыду вашему говорю" (1 Кор. 6:5), словами блаженного Павла, что вы так преданы страсти к деньгам! Не знаю, что и сказать: меня при этом очень затрудняет недоумение, и я не могу понять, почему весь, так сказать, род человеческий, имея возможность наслаждаться чем-нибудь легко и свободно, не находит в том удовольствия, а утешается больше всего заботами, беспокойствами и хлопотами? Почему людей не так радует серебро, лежащее на рынке, как лежащее дома? Между тем первое блестит светлее и избавляет душу от всякой заботы. Потому, скажешь, что то не мое, а это мое. Следовательно, удовольствие доставляется корыстолюбием, а не самым серебром: если бы было последнее, то одинаково можно было бы им наслаждаться и там. Если же ты скажешь, (что оно приятно) по своей пользе, то стекло гораздо полезнее; это могут сказать и сами богачи, большей частью приготавливающие чаши из этого вещества; хотя они, увлекаясь роскошью, употребляют на это и серебро, но наперед влагают внутрь стекло, а потом снаружи окружают его серебром, показывая этим, что первое приятнее и пригоднее для питья, а второе служит только гордости и излишнему тщеславию. Что же вообще значит "мое" и "не мое"? Когда я тщательно вникаю в эти слова, то усматриваю, что это только пустые слова. Многие еще при жизни не могли удержать это серебро, ускользнувшее из их власти, а те, у кого оно оставалось до конца, при смерти волей-неволей лишились обладания им. Что слова: "мое и не мое" только пустые звуки, это можно сказать не только по отношению к серебру и золоту, но и к баням, и к садам, и к домам. Пользуются ими все вообще, а считающиеся владельцами их имеют только то преимущество перед другими, что заботятся об них. Они только пользуются ими, а другие после многих забот получают то же самое, что те - без забот.

69. Если же кто восхищается большой роскошью, например, множеством битого мяса, избытком выпиваемого вина, изысканностью печений, искусством трапезников и поваров, толпой сотрапезников и гостей, тот пусть знает, что состояние богачей при этом нисколько не лучше состояния самих поваров. Как последние боятся господ, так господа боятся званых (гостей), чтобы не быть осужденными за что-нибудь из приготовленного ими с большим трудом и издержками. В этом они равняются с поварами, а в другом даже превышают их; потому что боятся не только хулителей, но и завистников. Часто у многих от таких пиров зарождалась зависть, которая успокаивалась не прежде, как подвергнув их крайним опасностям. Но (скажут) приятно кушать много и часто. Нет, от этой роскоши происходят головные боли, расстройство желудка, одышка, затмение в глазах, обмороки, умопомрачение и другие худшие болезни. И, о, если бы эта неумеренность и вред от нее ограничивались только однодневными неприятностями! Нет, большая часть неизлечимых болезней начинается от этих пиршеств: подагра, чахотка, истощение, паралич и многие другие еще тягчайшие

болезни, внедрившись в теле, удручают его до последнего издыхания. Какое же можно найти удовольствие, вознаграждающее за все эти бедствия? Какую суровую жизнь не предпочтет каждый, чтобы избежать всего этого?

70. Не такова умеренность, но она далека от всех этих зол, и способствует здоровью и благополучию. Если даже кто ищет удовольствия, то при ней он получит его больше, чем при роскоши: и, во-первых, от того, что она доставляет здоровье и избавляет от всех тех болезней, из которых каждая сама по себе способна затмить и даже совершенно уничтожить всякое удовольствие, а во-вторых - от самой пищи. Каким образом? Причиной удовольствия бывает аппетит; а аппетит возбуждается не пресыщением и избытком, но нуждой и недостатком (пищи). Он всегда бывает не на пирах богачей, но у бедных, лучше всякого трапезника и повара прибавляя к приготовленной пище много меда. Богатые едят, не чувствуя голода, и пьют, не имея жажды, и ложатся спать прежде, нежели придет к ним сильная нужда во сне; бедные же не прежде приступают ко всему этому, как настанет потребность, чем более всего возвышается удовольствие. Почему, скажи мне, Соломон называет сон раба сладким, говоря так: "сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест" (Екк. 5:11)? Потому ли, что ложе его мягко? Но рабы большей частью спят на земле или на соломе. Или от свободы? Но они не владеют ни малейшей частью времени. Или от досуга? Но они находятся постоянно в трудах и заботах. Что же делает для них сон приятным, как не то, что они прежде почувствуют нужду в нем и потом предаются ему? А богатые, если ночь не застанет их погрузившимися в сон от опьянения, по необходимости постоянно страдают бессонницей, вертятся и томятся, лежа на мягких постелях.

71. Можно было бы еще показать на неприятность, и вред, и срам в тех болезнях, которые происходят (от роскоши) в душе гораздо более и хуже, чем в теле. Она делает людей изнеженными, женоподобными, дерзкими, тщеславными, невоздержными, надменными, бесстыдными, раздражительными, жестокими, подлыми, корыстолюбивыми, низкими, и вообще неспособными ни к чему полезному и необходимому; умеренность же производит все противоположное этому. Но теперь надобно обратить речь на другой пример; прибавив это одно, потом мы опять займемся апостольскими словами. Если кажущееся радостным исполнено таких зол, и навлекает такой поток болезней на душу и тело, то что сказать о печальном, например, о страхе перед начальниками, о нападениях народа, о кознях клеветников и завистников, что в особенности окружает богачей, от чего и жены еще больше должны страдать, не имея сил переносить таких превратностей мужественно?

72. Что я говорю о женах? И сами мужья жалким образом страдают от этого. Кто живет умеренно, тот не боится никакой перемены; а кто роскошествует в этой невоздержной и рассеянной жизни, тот, если ему придется по какому-нибудь несчастью или принуждению подвергнуться бедности, скорее умрет, нежели вынесет такую перемену, как не приготовленный и не привыкший к этому. Посему блаженный Павел и говорил: "но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль". Затем далее он говорит: "время уже коротко" (1 Кор. 7:28-29).

73. Как это, - может быть, скажет кто-нибудь, - относится к браку? Даже очень относится к нему. Если он ограничивается настоящей жизнью, а в будущей "не будут ни жениться, ни замуж выходить" (Марк. 12:25); настоящий же век приходит к концу и воскресение уже при дверях, то теперь время не браков и не приобретений, но скудости и всякого любомудрия, которое будет нам полезно там. Как дева, пока остается дома с матерью, много заботится о детских вещах и о лежащем в ящичке, поставленном ею в кладовой, и ключ сама держит при себе и всем распоряжается, и столько заботится о сохранении малых и пустых вещей, сколько управляющие великими делами; а когда нужно выходить замуж, и время брака заставляет ее оставить родительский дом, тогда она, отрешившись от малого и ничтожного, по необходимости начинает заботиться об управлении домом и множеством имущества и рабов, об угождении мужу и о другом важном более прежнего: так и вам, достигаящим совершенного и мужского возраста, должно оставить все земное, эти поистине детские игрушки, и

помышлять о небе, блеске и всей славе тамошней жизни. Ибо и мы обручены Жениху, Который желает от нас такой любви, чтобы мы для Него отказались, если нужно, не только от малозначительных и ничтожных земных благ, но и от самой души. Итак, если нам должно отправляться туда, отрешимся от этих ничтожных забот; и, переходя из бедного дома в царский чертог, мы не стали бы заботиться о глиняных сосудах, дровах, рухляди и других бедных домашних вещах. Перестанем же теперь заботиться о земном; время уже призывает нас к небу, как и говорил блаженный Павел в послании к римлянам: "ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился" (Римл. 13:11-12). И еще: "время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие" (1 Кор. 7:29). К чему же брак для тех, которые не будут наслаждаться браком, но будут наравне с безбрачными? К чему деньги? К чему имущества? К чему все житейское, когда пользование им уже не благовременно и несвоевременно? Если те, которые должны явиться в ваше судилище и подвергнуться ответственности за свои преступления, при приближении назначенного дня отказываются не только от жены, но и от пищи, и питья, и всякой заботы, а думают об одном только оправдании; то тем более нам, имеющим предстать не перед каким-нибудь земным судилищем, но перед небесным престолом, чтобы отдать отчет в словах, делах и помышлениях, должно отрешиться от всего, и от радости, и от печали по настоящим благам, и заботиться только о том страшном дне. "Если кто", говорит (Господь), "приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником" (Лук. 14:26-27); а ты беспечно предаешься привязанности к жене, смеху, наслаждению и роскоши? "Господь близко: не заботьтесь ни о чем" (Филип. 4:6); а ты беспокоишься и печешься о деньгах? Наступило небесное царство; а ты занимаешься домом, пиршествами и другими удовольствиями? "Проходит образ мира сего" (1 Кор. 7:31); для чего же ты мучишься мирскими делами, не постоянными, но скоропреходящими, не заботясь о постоянном и неизменном? Не будет ни брака, ни мук рождения, ни удовольствия и совокупления, ни изобилия денег, ни заботы о приобретении, ни пищи, ни одежды, ни земледелия и мореплавания, ни искусств и домостроительства, ни городов и домов, но - некоторое иное состояние и иная жизнь. Все это немного спустя погибнет. Это означают слова: "проходит образ мира сего". Зачем же мы, как бы намереваясь оставаться здесь на все веки, с таким усердием заботимся о делах, которые мы часто должны оставлять раньше наступления вечера? Зачем мы избираем тягостную жизнь, когда Христос призывает нас к спокойной? "А я хочу", говорит (апостол), "чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем" (1 Кор. 7:32).

74. Почему же ты, желая, чтобы мы были без забот, сам налагаешь на нас новую заботу? Это - не забота, равно как и скорбь о Христе не есть скорбь, не потому, чтобы здесь изменялась природа вещей, но потому, что добровольность переносящих все это с удовольствием побеждает самую природу. Кто заботится о том, чем он не может наслаждаться долгое, а часто и короткое время, тот справедливо может назваться заботящимся; а тот, кто может собирать плодов больше своих забот, совершенно справедливо может считаться в числе не заботящихся. Кроме того, между той и другой заботами такое различие, что последняя в сравнении с первой даже не может считаться заботой: столько она легче и удобнее той. Все это мы выразили предыдущими словами: "неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене" (1 Кор. 7:32-33); но последний проходит, а первый остается. Разве это одно не достаточно показывает превосходство девства? Насколько Бог выше мира, настолько забота о Нем лучше мирской. Почему же (апостол) позволяет брак, который связывает нас заботами и отвлекает от духовного? Потому, говорит он, я и сказал: "так что имеющие жен должны быть, как не имеющие", чтобы уже связанные или имеющие быть связанными, каким-либо другим образом ослабили свои узы. Если нельзя разорвать уже надетые узы, то сделай их более сносными; ибо возможно, если мы захотим,

освободиться от всего излишнего и не навлекать на себя по собственной беспечности забот еще больше, чем сколько их приносит самое дело.

75. Если же кто хочет яснее знать, что значит, "имеющие жен, как не имеющие", то пусть посмотрит на не имеющих ничего и распявшихся (для мира), как они живут. Как же они живут? Они не нуждаются покупать ни множества служанок, ни золотых вещей и ожерелий, ни светлых и больших домов, ни такого-то и такого-то количества десятин земли, но, оставив все это, заботятся только об одной одежде и пище своей. И имеющий жену может вести себя согласно такому любомудрию. Сказанное выше "не уклоняйтесь друг от друга" (1 Кор. 7:5), сказано только о совокуплении; в этом он повелевает следовать друг за другом и не оставляет им власти над собой; а в чем должно держаться другого любомудрия, например, в одежде, в пище и во всем прочем, в том один не подчинен другому, но мужьям можно, - хотя бы жена и не хотела, - отказаться от всякой роскоши и удручающего множества забот; и жене также нет никакой необходимости против воли украшаться и заботиться об излишнем. Это и справедливо; потому что та похоть естественна и поэтому простительна и один (из супругов) не властен лишать в этом другого без его воли; а страсть к роскоши, расточительности и бесполезным заботам не зависит от природы, но происходит от беспечности и высокомерия. Посему (апостол) и не повелевает вступившим в брак подчиняться друг другу в этих делах, как в тех. Таким образом, слова: "имеющие жен, как не имеющие", означают то, чтобы мы не принимали на себя излишних забот, происходящих от капризов и изнеженности жен, но прилагали столько забот, сколько требуется для одной преданной нам души и притом расположенной жить любомудро и скромно. А что он хочет сказать именно это, он сам объяснил, присовокупив: "и плачущие, как не плачущие; и радующиеся о приобретениях, как не радующиеся" (Кор. 7:30); ибо не радующиеся не будут заботиться и о приобретении и не плачущие не станут бояться бедности и отвращаться от умеренности. Таково значение слов: "имеющие жен, как не имеющие", т. е. пользоваться миром, но не злоупотреблять им. "А женатый заботится о мирском" (1 Коринф. 7:33). Хотя забота бывает и там и здесь, но здесь она суетна и напрасна, или лучше сказать ведет к печали и скорби ["таковые будут иметь скорби по плоти" (1 Кор. 7:28)], а там - к неизреченным благам; почему же нам не избрать лучше первой заботы, которая не только получает столь многие и великие воздаяния, но и по свойству своему легче последней? О чем заботится незамужняя? О деньгах ли, слугах, домоправителях, полях и прочем? За поварами ли она наблюдает, за ткачами и прочей прислугой? Нет; ничто из этого не приходит ей на ум, но только об одном она заботится, чтобы благоустроить свою душу, украсить этот святой храм (1 Кор. 3:17), не плетением волос, или золотом, или жемчугом (1 Тим. 2:9), не притираниями и раскрашиваниями, или другими трудными и обременительными способами, но - святостью по телу и духу. "А замужняя", говорит (апостол), "заботится о мирском, как угодить мужу" (1 Кор. 7:34). Весьма мудро он не стал перечислять самые дела и не сказал, что переносят жены для угождения мужьям, и телом и душой, тело притирая, посыпая пылью и подвергая другим мучениям, а душу наполняя низостью, лестью, притворством, малодушием и другими излишними и бесполезными заботами, но, намекнув на все это одним словом, предоставил подумать об этом совести слушателей. Показав, таким образом, преимущество девства и превознесши его до самого неба, он опять возвращается к речи о дозволенности брака, постоянно опасаясь, чтобы кто-нибудь не стал считать это повелением. Посему он не удовольствовался прежними увещаниями, но, сказав: "я не имею повеления Господня; и если девица выйдет замуж, не согрешит", опять здесь говорит: "не с тем, чтобы наложить на вас узы" (1 Кор. 7:25,28,35).

76. Кто-нибудь может при этом справедливо придти в недоумение, почему апостол, выше назвав девство освобождением от уз и сказав, что он советует его для нашей пользы, чтобы мы не имели скорбей и были без забот, так как он щадит нас, и всем этим показав легкость и удобоносимость его, вдруг говорит: "не с тем, чтобы наложить на вас узы" (1 Кор. 7:35). Что же это значит? Не девство он назвал петлей, - нет, но принятие этого блага с насилием и принуждением. И на самом деле так,

Все, что принимает кто-либо по принуждению и против воли, хотя бы оно было весьма легким, бывает несноснее всего и давит нашу душу мучительнее петли. Посему он и сказал: "не с тем, чтобы наложить на вас узы"; то есть: я предложил и показал все блага девства, но и после всего этого предоставляю вам избрание его и не влеку к добродетели против вашей воли; я посоветовал это, не желая причинить вам скорбь, но - чтобы благопристойное служение (Богу) не нарушалось житейскими делами. Посмотри и здесь на мудрость Павла, как он с просьбами соединяет увещания и с позволением - совет. Сказав: не принуждаю, но увещаю, он прибавляет: "благочинно и непрестанно" (1 Кор. 7:35), показывая этим превосходство девства и ту пользу, которая происходит от него для нас в богоугодной жизни. Ибо жене, опутанной житейскими заботами и всюду развлекаемой, нельзя быть благоприступающей (к Господу), так как весь ее труд и досуг раздробляется на многое, т. е. на мужа, заботы по дому и все прочее, что обыкновенно влечет за собой брак.

77. А что, скажешь, если и девственница станет заниматься многим и иметь житейские заботы? Нет, этим ты исключил бы ее из сонма девственниц, потому что недостаточно только не вступать в брак, чтобы быть девственницей, но необходима и чистота душевная; под чистотой же я разумею не только воздержание от порочной и постыдной похоти, украшений и рассеянности, но и свободу от житейских забот; если же этого нет, то какая польза в чистоте телесной? Как ничего не может быть постыднее воина, бросившего оружие и проводящего время в пьянстве, так ничего не может быть непристойнее девственниц, связанных житейскими заботами. Так и те пять дев имели светильники и подвизались в девстве, но не получили от этого никакой пользы, а остались вне дверей затворенных и погубили. Девство потому и хорошо, что оно отклоняет всякий повод к излишней заботе и доставляет полный досуг для богоугодных дел; так что, если этого нет, оно бывает гораздо хуже брака, нося в душе терние и заглушая чистое и небесное семя.

78. "Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть [таковые] выходят замуж", говорит (апостол) (1 Кор. 7:36). Что говоришь ты: "пусть делает, как хочет"? Как ты не исправляешь извращенного понятия, но дозволяешь вступать в брак? Почему ты не сказал: кто находит непристойным для своей девицы (оставаться так), тот жалок и несчастен, считая укоризненным столь дивное дело? Почему ты, оставив это предположение, не посоветовал ему удерживать свою дочь от брака? Потому что, говорит он, эти души были слишком слабы и привязаны к земле; а при таком настроении их нельзя было вдруг внушать им учение о девстве. Кто до такой степени привязан к мирским делам и восхищается настоящей жизнью, что даже после такого увещания считает постыдным то, что достойно небес и уподобляется ангельской жизни, тот как мог бы принять совет, привлекающий его к этому? И удивительно ли, что Павел так поступил касательно дела дозволенного, когда он делает то же самое касательно запрещенного и противозаконного? Укажу на пример. Иметь осторожность в пище, принимать одну и отвергать другую, было свойственно слабости иудеев; однако и между римлянами были подверженные этой слабости; он же не только не обвиняет их со строгостью, но делает еще нечто, более того; оставив согрешавших, он укоряет тех, которые хотели препятствовать им: "а ты что осуждаешь брата твоего" (Римл. 14:10)? Между тем он не сделал того же, когда писал колоссянам, но с великой властью обращается к ним и любомудрствует так: "итак никто да не осуждает вас за пищу, или питие", и еще: "итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: "не прикасайся", "не вкушай", "не дотрагивайся" - что все истлевает от употребления" (Колос. 2:16,20-22). Почему же он так поступает? Потому что эти были сильны, а римляне еще нуждались в большой снисходительности, и он ожидал, пока вера окрепнет в их душах, опасаясь, чтобы с преждевременным истреблением плевел не вырвать с корнями и растений здорового учения. Поэтому он и не осуждает их прямо, и не оставляет без осуждения, но касается их незаметно и прикровенно, в осуждении других; ибо словами: "перед своим Господом стоит он, или падает" (Римл. 14:4), он по-видимому заграждает уста укоряющему (другого),

но на самом деле влияет на душу этого последнего, показывая, что предпочитать то или другое (из пищи) свойственно не твердым и не стоящим непоколебимо, но еще колеблющимся, находящимся в опасности пасть, если не устоят. Таким же образом он поступает и здесь вследствие великой слабости укоряемых. Он не явно нападает (на обличаемого), но похвалами тому, кто соблюдает свою девицу, наносит ему сильный удар. Что же говорит он? "Но кто непоколебимо тверд в сердце своем" (1 Кор. 7:37). Это сказано для противопоставления с тем, кто легко и скоро колеблется, не умея ходить твердо и стоять мужественно. Потом, заметив, что этого слова достаточно для влияния на душу такого человека, смотри, как он опять прикрывает речь, приводя причину не слишком достойную порицания. Сказав: "но кто непоколебимо тверд в сердце своем" он присовокупил: "не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле", хотя последовательнее было бы сказать: кто стоит твердо и не находит этого дела непристойным. Так как это было бы слишком разительно, то вместо этого он употребляет другое выражение в его утешение, предоставляя ему лучше сослаться на такую причину. Не так тяжело удерживать кого-нибудь от дела нуждой, как стыдом: первое - касается души слабой и жалкой, а последнее - испорченной и не умеющей правильно судить о качестве дел. Впрочем, говорить это еще было не время: даже по настоящей нужде не следует препятствовать желающей быть девственницей, но должно мужественно стоять против всего, что препятствует этому прекрасному стремлению, как говорит Христос: "кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня" (Матф. 10:37). Когда мы принимаем что-либо благоугодное Богу, то всякий, препятствующий этому, есть враг и неприятель, кто бы он ни был, отец или мать. Павел же, снисходя к несовершенству слушателей, написал следующее: а "кто непоколебимо тверд, не будучи стесняем нуждою" (1 Кор. 7:37); и не остановился на этом, - хотя "не будучи стесняем нуждою", и "будучи властен в своей воле" означают одно и то же, - но обширной речью и беспрестанным повторением позволений утешает слабый и низменный ум, присоединяя далее и другую причину: "решился в сердце своем" (1 Кор. 7:37). Ибо недостаточно быть свободным, чтобы только за это не подлежать ответственности, но когда кто избрал и рассудил, тогда он поступает хорошо. Потом, чтобы ты не заключил из такой великой снисходительности, что нет никакого различия (между тем и другим делом), он опять излагает различие между ними, хотя с осторожностью, излагает в (ясных) словах: "посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше" (1 Кор. 7:38). А на сколько лучше, он не объяснил опять по той же причине; если же ты хочешь знать, то послушай Христа. Который говорит: "ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах" (Матф. 22:30). Видишь ли различие, на какую высоту девство вдруг возносит смертного, когда оно есть истинное девство?

79. Чем, скажи мне, отличались от ангелов Илия, Елисей и Иоанн, эти истинные любители девства? Ничем, кроме того, что они были облечены смертной природой; а во всем прочем, если точно исследовать это, они окажутся нисколько не хуже тех; даже и этот самый кажущийся недостаток много служит к похвале их. Какое мужество, какое любомудрие было у тех, которые, живя на земле и подчиняясь необходимости смертной природы, могли достигнуть такой добродетели! А что их сделало такими девство, ясно из следующего; если бы они имели жен и детей, то не так легко поселились бы в пустыне, не стали бы презирать домов и всего житейского; а теперь, освободившись от всех этих оков, они жили на земле, как на небе; не нуждались ни в стенах, ни в кровле, ни в постели, ни в трапезе, ни в чем ином подобном, но вместо кровли им было небо, вместо постели - земля, вместо трапезы - пустыня; и то, что для других кажется причиной голода, бесплодие пустыни, это самое тем святым доставляло изобилие. Они не нуждались ни в виноградных лозах, ни в точилах, ни в посевах, ни в жатве, но источники, реки и озера доставляли им обильное и приятное питье, а трапезу одному из них приготавливал ангел, чудесную и необыкновенную и более обильную, чем обычно у людей: одного хлеба, говорится (в Писании), было достаточно на "сорок дней и сорок ночей" (3 Цар. 19:6-8); а другого часто питала чудотворная благодать Духа, и не только его одного, но через него и других (1 Цар. 4:41-

44). Иоанн же, "больше пророка", больше которого "из рожденных женами не восставал" (Матф. 11:11), не нуждался даже в человеческой пище: не хлеб, вино и масло поддержали жизнь его тела, но акриды и дикий мед. Видишь ли ангелов на земле? Видишь ли силу девства? Оно устроило, что облеченные плотью и кровью, ходившие по земле, подчиненные необходимости смертной природы, во всем поступали так, как бесплотные, как уже достигшие неба, как получившие бессмертие.

80. Для них все было излишним, не только то, что действительно излишне: роскошь, богатство, власть, слава и ряд прочих подобных сновидений, но и то, что кажется необходимым: жилища, города и искусства; вот что значит "благочинно и непрестанно" (1 Кор. 7:35), вот добродетель девства! Удивительно и многих венцов достойно - преодолевать ярость страстей, сдерживать беснующуюся природу; но поистине удивительным это бывает тогда, когда притом будет такая жизнь; само по себе это слабо и недостаточно для спасения достигших этого. Свидетелями нам могут служить те, которые и ныне упражняются в подвиге девства: они настолько отстоят от Илии, Елисея и Иоанна, насколько земля от неба. Как, устранив "благочинно и непрестанно", ты подорвешь самую силу девства, так соединяя его с превосходной жизнью, ты будешь иметь корень и основание блага. Как тучная и плодоносная земля питает корень, так превосходная жизнь возвращает плоды девства, или лучше сказать, крестная жизнь есть и корень и плод девства. Она умащала тех доблестных мужей на дивные подвиги, рассекая все узы их, и делая их способными на свободных и легких ногах, как бы на крыльях, взлетать на небо. Где нет ни угождения жене, ни заботы о детях, там очень легко является нестяжательность; а нестяжательность приближает к небесам, освобождая нас не только от страха, забот и опасностей, но и от прочих неудобств.

81. Тот, кто не имеет ничего, презирает все, как бы обладая всем, и имеет великое дерзновение перед начальствующими, властителями и даже самим украшенным диадемой. Кто презирает богатство, тот, простираясь далее, будет легко презирать и смерть; а став выше этого, он будет дерзновенно говорить со всеми, не опасаясь и не страшась никого. А тот, кто занят богатством, есть раб не только богатства, но и славы и почестей настоящей жизни, и всего вообще житейского. Поэтому Павел и назвал сребролюбие корнем всех зол (1 Тим. 6:10). Девство же имеет достаточную силу иссушить этот корень и вложить в нас другой лучший, производящий все доброе: свободу, дерзновение, мужество, пылкую ревность, горячую любовь к небесному, презрение всего земного. Так рождается: "благочинно и непрестанно".

82. Но что умничают многие? Патриарх Авраам, говорят, и жену имел, и детей, и богатство, и стада, и пастбища, а при всем этом, Иоанн, как Креститель, так и евангелист, тот и другой девственники, и Павел и Петр, отличавшиеся воздержанием, желали быть в лоне его. Кто сказал это тебе, почтеннейший, какой пророк, какой евангелист? Сам, говорят, Христос. Видя великую веру сотника, Он сказал: "многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном" (Матф. 8:11). Вместе с ним блаженствовавшего и Лазаря видел богатый (Лук. 16). Но какое отношение имеет это к Павлу, Петру и Иоанну? Лазарь не Павел и не Иоанн, и "многие с востока и запада" не составляют сонма апостолов, так что эти ваши слова излишни и напрасны. Если же ты хочешь точно знать награды апостолам, то послушай, что говорит Сам, имеющий даровать их: "сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых" (Матф. 19:28). Здесь нет ни Авраама, ни сына его, ни внука его, ни лежащего на лоне его, но гораздо высшее достоинство; последние сядут судить потомство первых. И не в одном этом видно различие, но и в том, что участи Авраама сподобятся многие; "многие", говорит (Господь), "придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном"; а этих престолов не получит никто, кроме одного сонма святых апостолов. Еще ли, скажите мне, вы будете вспоминать о стадах, пастбищах, браках и детях? Что же, говорят, если многие из девственниц после многих подвигов желают переселиться туда? Я скажу еще больше: многие из девственниц не достигнут ни того лона, ни меньшего, но пойдут

в самую геенну. Это показывают девы, оставшиеся вне брачного чертога (Матф. 25:12). Отсюда не следует ли, что брак равен девству, или даже девство хуже его? Твой пример представляет девство хуже (брака). Авраам, живший в браке, находится в покое и наслаждении, а девственницы - в геенне; по вашим словам остается сделать такое заключение. Но это не так; нет: девство не только не хуже, но гораздо лучше брака. Почему? Потому, что не брак сделал таким Авраама, и не девство погубило тех несчастных (дев); но другие добродетели души прославили патриарха, и другие пороки жизни предали дев огню. Тот и в брачной жизни старался совершать добрые дела девства, т. е. "благодично и непрестанно", а они, избрав девство, ниспали в круговорот жизни и в заботы, свойственные браку. Что же, скажут, препятствует и ныне вместе с браком, детьми, богатством и всем прочим сохранить это "благодичие"? Во-первых, то, что ныне уже нет равного Аврааму, и даже хотя мало приближающегося к нему; он, имея богатство и жену, больше подвизающихся в нестяжательности презирал богатство и больше девственников воздерживался от удовольствий. Эти каждый день пламенеют страстью, а он так погашал этот огонь и не предавался никакому пристрастию, что не только удержался от наложницы, но и отпустил ее из дома, чтобы уничтожить всякий повод к ссоре и несогласию: теперь не очень легко это найти.

83. Кроме этого, - я и теперь скажу то, что говорил вначале: от нас требуется не такая степень добродетели, как от них. Теперь нельзя быть совершенным, не продав всего, не отказавшись от всего, не только от денег и дома, но даже от души своей (Матф. 11), а тогда еще не была указана такая строгость. Что же, скажут, разве мы теперь живем строже, чем патриарх? Мы должны (так жить), и это заповедано нам, но мы не живем, и потому далеко отстаем от того праведника; а что нам предлежат большие подвиги, это всякому известно. Посему и Ноя Писание не просто прославляет, но с некоторым прибавлением: "Ной", говорит, "был человек праведный в роде своем, ходил пред Богом" (Быт. 6:9), не просто совершенный, но в то время; ибо много видов совершенства, которые определяются различными временами. С течением времени бывшее некогда совершенным, потом становится несовершенным. Например, некогда был совершен тот, кто жил по закону; "которые исполняя", сказано (в Писании), "человек будет жив" (Лев. 18:5); а Христос, пришедши, показал, что это совершенное - несовершенно; "если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное" (Матф. 5:20). Тогда только убийство считалось жестоким, а теперь и один гнев и злословие могут вовлечь в геенну; тогда наказывалось только прелюбодеяние, а теперь даже бесстыдный взгляд на жену не освобожден от наказания; тогда только клятвопреступление было от лукавого, а теперь и клятва: "что сверх этого, то от лукавого", говорится (в Писании) (Матф. 5:37); от людей того времени не требовалось ничего больше, как любить любящих, а теперь это великое и дивное дело так несовершенно, что, по исполнении его, мы ничем не превосходим мытарей.

84. Почему же неодинаковая предстоит награда за одни и те же добродетели для нас и для ветхозаветных, но мы, если желаем получить одинаковое с ними, должны оказать большую добродетель? Потому, что теперь излилась великая благодать Духа и великий дар пришествия Христова: благодать сделала (людей) из младенцев мужами совершенными. Как мы от наших детей, когда они сделаются юношами, требуем гораздо больших доблестей, и за что в детском возрасте мы прежде хвалили их, мы уже не восхищаемся тем же, когда они станут мужами, но требуем от них другого, гораздо большего; так и Бог в первые времена требовал не великих дел от человеческого рода, как находившегося в младенческом состоянии. Когда же он услышал пророков и апостолов и получил благодать Духа, то Бог возвысил степень добродетелей, и это справедливо. Он назначил и большие воздаяния и гораздо более светлые награды: уже не земля и земные блага, но небо и блага, превосходящие ум, предстоят праведникам. Итак, не безрассудно ли возмужавшим оставаться при прежнем младенчестве? Тогда природа человеческая разделялась сама в себе, и была непримиримая борьба; рассуждая о ней, Павел так говорит: "но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий

закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих" (Римл. 7:23). А теперь этого нет; "как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной [в жертву] за грех и осудил грех во плоти" (Римл. 8:3). За это, воздавая благодарность, Павел говорит: "бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом" (Римл. 7:24-25). Посему мы справедливо наказываемся за то, что, сделавшись свободными, не хотим идти наравне со связанными; или лучше сказать, если мы будем поступать одинаково с ними, и тогда не освобождаемся от наказания. Тем, которые наслаждаются глубоким миром, должно достигать гораздо больших и славнейших трофеев, нежели тем, которые сильно удручены войной. Если мы будем вращаться около денег, роскоши и жен и заботиться о делах, то когда же мы будем (совершенными) мужами, когда будем жить духовно, когда будем заботиться о Господнем? Неужели по исходе отсюда? Но тогда уже время не трудов и подвигов, а венцов и наказаний. Тогда и девственница, если не будет иметь масла в светильниках, не сможет получить его от других, но останется вне чертога (Матф. 25); и если кто явится одетым в грязное одеяние, не сможет вышедши переменить одежду, но будет ввержен в огонь геенны (Матф. 22); если даже будет просить самого Авраама (Лук. 16), уже не достигнет никакого успеха. Когда наступит определенный день (суда), поставлено будет седалище, воссядет Судия, потечет река огненная (Дан. 7:10), и потребуются отчет в делах наших, тогда уже нельзя будет нам получить разрешение грехов, но волей-неволей мы будем привлечены к должному наказанию за них. И тогда никто не может умолить за нас, но если бы даже кто-либо имеющий дерзновение, равное с великими и дивными мужами, как Ной, Иов, Даниил, стал умолять хотя бы за сыновей и дочерей своих, не достигнет успеха; грешникам необходимо будет подвергнуться вечному наказанию, равно как праведникам удостоиться наград. А что ни тем, ни другим не будет конца, это объявил Христос, сказав, что как жизнь будет вечной, так вечным будет и наказание. Когда Он одобрил стоявших по правую сторону и осудил стоявших по левую, то прибавил: "и пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную" (Матф. 25:46). Посему всячески нужно все благоустраивать здесь, и имеющему жену быть как не имеющему, а действительно не имеющему вместе с девством упражняться и во всякой другой добродетели, чтобы по исходе отсюда не рыдать нам тщетно.